

ВЛАДИМИР МАУ

революция

МЕХАНИЗМЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ
И ПОСЛЕДСТВИЯ РАДИКАЛЬНЫХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Владимир Мау

**Революция. Механизмы,
предпосылки и последствия
радикальных общественных
трансформаций**

«Институт экономической
политики имени Е.Т. Гайдара»

2017

УДК 321.7
ББК 66.0

May B. A.

Революция. Механизмы, предпосылки и последствия
радикальных общественных трансформаций / В. А. May —
«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»,
2017

ISBN 978-5-93255-511-8

Настоящая книга посвящена проблемам теории и истории великих революций. На базе анализа английской (XVII в.), французской (рубежа XVIII–XIX вв.) и русской (начала XX в.) революций выявляются закономерности, конституирующие элементы радикальных общественных трансформаций. Основываясь на результатах сравнительных исследований революций прошлого, автор обосновывает тезис о специфическом, революционном характере посткоммунистической трансформации России. Особое внимание в книге уделяется российскому опыту коренных трансформаций, приходящихся на начало и конец XX столетия, что вполне естественно в год столетнего юбилея Русской революции 1917 г. Книга предназначена для историков, экономистов, социологов, для всех тех, кто интересуется проблемами социально-экономических преобразований.

УДК 321.7
ББК 66.0

ISBN 978-5-93255-511-8

© Мау В. А., 2017

© Институт экономической
политики имени Е.Т. Гайдара, 2017

Содержание

Введение	7
Раздел I	14
Глава 1	14
Глава 2	17
Глава 3	21
3.1. Фазы экономического кризиса революции	21
3.2. Основные элементы экономического кризиса революции: общее и особенное	24
Раздел II	37
Глава 4	37
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Владимир Мау
Революция: механизмы, предпосылки
и последствия радикальных
общественных трансформаций

© В. А. Мау, 2017

© Издательство Института Гайдара, 2017

Введение

Тезисы о революции

1. Понятие революции

Революция представляет собой механизм радикальной, системной трансформации всех сторон жизни общества (страны) в условиях слабого (рухнувшего) государства. Известны случаи радикальной трансформации при сохранении государства (реставрация Мэйдзи, большинство посткоммунистических трансформаций Центральной и Восточной Европы, постсоветских республик Центральной Азии). Возможен крах государства без системной трансформации (например, современная Ливия). Полномасштабная революция предполагает наложение двух названных обстоятельств, и именно они оказываются конституирующими для такой революции.

Понятие «революция» не является в современной науке строгим.

Исторически термин «революция» вошел в политическую жизнь (и политическую дискуссию) не для обозначения процесса как радикального, а для характеристики процесса неотвратимого – по аналогии с названием известной книги Коперника «*De Revolutionibus Orbium Coelestium*», в которой речь шла о постоянном движении небесных сфер. Во всяком случае, именно такой смысл приписывают словам герцога Франсуа Ларошфуко-Лианкура, обращенным к Людовику XVI¹.

Помимо полномасштабных революций известны и другие виды революций, включая оборванные (или незавершенные), политические и др. Они не являются предметом обсуждения в настоящей книге.

2. Революция и насилие

Революция не может определяться и через насилие. Насилие играет значимую роль в революциях, однако было бы неверным говорить, что в революцию непременно должно происходить обострение насилия. Уровень насилия зависит от многих факторов и особенно от уровня благосостояния общества. Естественно, что в стране с преобладанием бедного крестьянского населения уровень насилия будет при прочих равных условиях выше, чем в стране, большинство жителей которой являются зажиточными горожанами.

3. Разрыв и непрерывность в условиях революции

Революция представляет собой разрыв естественного хода событий. Это шок, который многие предсказывают, но которого никто не ожидает. Говорят, что кризис случается позже, чем его прогнозируют, но раньше, чем его ожидают. Этот своеобразный закон более чем уместен при анализе предреволюционной эпохи и начала революции.

¹ Поздно вечером 14 июля 1789 года герцог де Лианкур, обладавший правом в любое время входить к Его Величеству, разбудил задремавшего короля и сообщил ему о взятии Бастилии. «Но это же бунт!» – воскликнул изумленный Людовик. «Сир, – ответил Лианкур, – это не бунт, это революция» («*Mais c'est donc une révolte? – s'écriait Louis XVI effrayé de l'agitation du peuple. – Non, sire, fit gravement le duc; c'est une révolution!*») (Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. М.: ГПИИР, 2006. С. 20).

Вместе с тем революция при всей ее внешней радикальности не просто полностью порывает со старым. Ситуация оказывается более сложной.

Во-первых, многие элементы новой системы (модели) зарождаются уже при «старом режиме» и получают развитие в послереволюционной стране. Эволюция институтов – это достаточно сложный процесс (например, централизация и госрегулирование в начале XX века или рыночная модель в конце XX века).

Во-вторых, возникающий в результате революции режим может реализовывать довольно консервативные идеи, хотя и в новых формах. Это естественно, поскольку в революциях одной из активных действующих сил выступают небогатые классы (слои) населения, несущие значительный запас консервативной идеологии (крестьяне в 1917 году, работники ВПК в 1980-е годы). Они являются мощной движущей силой революции, но они же несут с собой архаику, которая дает о себе знать в ходе революции и особенно в постреволюционной системе – к немалому изумлению выживших революционеров.

В-третьих, ряд консервативных идей и институтов может быть использован для решения новых экономических и политических задач. В качестве примеров большевистской системы – восстановление империи в форме СССР, фактическое восстановление крестьянской общины с ее коллективной порукой и перераспределительными фискальными механизмами в форме колхозов. Именно поэтому вовремя сориентировавшиеся бенефициары старого режима могут неплохо вписаться в постреволюционную эпоху – в отличие от «пламенных революционеров».

4. Уровень экономического развития и революции

Революции нового времени происходили в странах сопоставимого уровня среднедушевого ВВП – около 1200–1400 долларов 1990 года (см. таблицу, где представлены расчеты А. Мэддисона). Похоже, что именно в этот период процессы социальной динамики настолько активизировались, что могли выйти из-под контроля элиты (власти) и привести к разрушению существующих государственных институтов. Таким образом, применительно к аграрному обществу можно говорить о наличии некоторого исторически и экономически обусловленного этапа, когда риск революции повышается.

Вместе с тем некоторые страны оказывались способными провести назревшие преобразования под контролем элиты и при сохранении государства. Как правило, это происходило на уровне среднедушевого ВВП, который был существенно ниже «уровня начала революции».

5. Крах государства как конституирующая характеристика революции

Крах государства проистекает из раскола общества, основных социальных и политических сил по вопросу о базовых ценностях и ориентирах развития страны. Этот крах является одновременно и крахом (банкротством) национальной элиты, поскольку именно элита должна направлять общественные силы по пути прогресса, обеспечивая одновременно социально-политическую устойчивость.

ТАБЛИЦА. Уровень ВВП на душу населения в периоды революций

Страна	Год начала революции	ВВП на душу населения, долл. США 1990 г.	Примечания
Англия	1640	Близко к 1200	
США	1774	1820 г.: 1287	Война за независимость
Франция	1789	1820 г.: 1218	
Германия	1848	1850 г.: 1476	
Япония	1868	1885 г.: 818	Революция сверху
Россия	1905	1900 г.: 1218	
Мексика	1911	1913 г.: 1467	
Россия	1917	1913 г.: 1488	
Турция	1923	1922 г.: 561	Революция сверху
Китай	1911–1949	1950 г.: 614	В послереволюционный период не удалось перейти к устойчивому экономическому росту

Источники: *Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992. Paris: OECD, 1995; Стародубровская И., Май В. Великие революции... Гл. 3.*

Накануне революции в элите наблюдаются сильные дезинтеграционные процессы, и верхние слои общества превращаются в сложную мозаику социальных групп с разнообразными и противоречивыми интересами: экономически сильные социальные группы, не имеющие доступа в элиту; «новички», не до конца признанные традиционной элитой (которая также изначально внутренне неоднородна), но, в свою очередь, стремящиеся не допустить ее дальнейшего расширения; преуспевающая часть традиционной элиты; разоряющаяся часть традиционной элиты и т. п.

6. Стихийность революционного процесса

Крах государства предопределяет доминирование элемента стихийности в разворачивании революционного процесса. Это менее управляемый период нежели «мирное время».

7. Стихийность и закономерность революционного процесса

Усиление стихийности обуславливает наличие некоторых закономерностей революции, которые имеют объективный характер².

Можно выделить следующие общие характеристики (закономерности) революционных трансформаций.

1) Системное и глубокое преобразование всех сторон жизни общества (комплексный характер преобразований).

² Анализ закономерностей революции подробно рассматривается в: *Crane B. The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition. N. Y.: Vintage Books, 1965; Стародубровская И., Май В. Великие революции...*

2) Революция является продуктом развития внутренних сил данной страны. Именно поэтому революция не может быть навязана извне. Хотя внешний фактор нередко играет определенную роль – как катализатора революции, так и барьера на пути ее развития.

3) Наличие определенных фаз (этапов) революции.

4) Крах государства и сохранение слабого государства на протяжении революции.

5) Революционный экономический кризис как особый экономико-политический феномен.

6) Политический характер экономических процессов, прежде всего инфляции и преобразования отношений собственности.

8. Фазы революционной трансформации

Наличие фаз полномасштабной революции – одно из основных проявлений закономерностей революции.

Таковыми фазами являются:

1) «Розовый период» революции, когда все общество кажется единым в противостоянии старому режиму. Эта иллюзия единства становится, в частности, причиной принятия экономически необоснованных (по сути, популистских) решений, которые приводят к резкому усугублению экономического кризиса.

2) Поляризация, когда становится очевидно, что разные социальные силы (группы интересов) имеют не просто различные, а подчас противоположные представления о конечных целях революции. Начинаются продолжающиеся на всех дальнейших этапах попытки остановить революцию на той или иной ее стадии.

3) Радикальная фаза, на которой преобразования проходят точку невозврата.

4) Термидор, то есть начало торможения революции и появление контуров новой, постреволюционной нормальности.

5) Иногда в перечень фаз революции включают реставрацию. Однако это уже тот этап, который, очевидно, выходит за рамки собственно революционного цикла.

9. Экономические закономерности революции

К ним относятся следующие.

1) Наличие революционного экономического кризиса, связанного по крайней мере с двумя обстоятельствами:

– предреволюционным экономическим кризисом, который может дать толчок краху государства и разворачиванию революции;

– деятельностью ранних революционных правительств, как правило усугубляющей ситуацию и ведущей к обострению экономического кризиса.

2) Демонетизация ВВП, которая может проявляться в двух формах. В мире бумажно-денежного обращения демонетизация реализуется через инфляцию. В условиях доминирования металлических денег происходят тезаврация монет и, естественно, «денежный голод».

3) Бюджетный кризис, обусловленный политическим кризисом. Слабое государство не может сбалансировать доходы и расходы, постоянно лавируя и пытаясь купить себе поддержку. Завершение революции завершает и бюджетный кризис.

4) Соответственно, дефолт оказывается неизбежным феноменом как акт преодоления бюджетного кризиса и завершения революции. Дефолт происходит с учетом политических возможностей государства (отказ платить тем, кому новая власть может себе позволить не платить).

Дефолт, как это ни парадоксально, становится показателем укрепления власти, восстановления контроля государства над политическими, экономическими и социальными процессами.

Примеры можно найти во всех революциях – отказ Кромвеля платить голландским банкирам, «банкротство двух третей» во Франции, отказ большевиков платить по царским долгам, финансовый кризис 1998 года в России.

5) Инфляция – политический феномен, отражающий соотношение политических сил и доступность для правительства иных финансовых ресурсов, помимо печатного станка.

6) Перераспределение собственности также является политическим феноменом, выступая прежде всего инструментом покупки поддержки революции и выживания революционных правительств (не только политического выживания, но подчас и физического). В условиях революции политическая задача перераспределения собственности доминирует над решением задач фискальной (обеспечение устойчивости бюджета) и экономической (появление эффективного собственника).

Революции могут задействовать обе возможные формы перераспределения собственности – и национализацию, и приватизацию.

7) Политическая неопределенность обуславливает рост транзакционных издержек в период революции.

10. Постреволюционная стабилизация

1) Термидор, названный так по месяцу революционного календаря, в который было свергнуто якобинское правительство во Франции, а его лидеры казнены (27 июля 1794 года или 9 термидора II года по республиканскому календарю), стал специальным термином для обозначения фазы начала спада революционной активности. Это момент поражения радикалов, хотя многие из них продолжают оставаться у власти.

2) Преодоление бюджетного кризиса – еще одна важная характеристика завершающей фазы революции. Разумеется, бюджетные кризисы могут повторяться и в будущем, но тогда они уже не будут связаны с логикой революционной трансформации.

3) Полномасштабная революция оказывает долгосрочное воздействие на политические процессы. Как правило, в странах, прошедших через полномасштабные революции, на протяжении примерно столетия с интервалом 15–20 лет происходили серьезные политические конфликты, существенно менявшие характер власти. Наиболее ярко это проявилось во Франции, которая прошла через реставрацию 1814 года, июльскую революцию 1830 года, революцию 1848 года с последующим установлением Второй империи, Парижскую коммуну и установление Третьей республики в 1871 году. В более мягкой форме подобные процессы происходили в Англии XVII–XVIII веков.

В истории такие процессы иногда тоже назывались революциями, хотя и не являлись полномасштабными трансформациями. Скорее, речь должна идти о политических революциях, в результате которых происходит модернизация социально-политической модели. Такие модернизации характерны для обществ в условиях современного экономического роста, однако уязвимость политических режимов постреволюционных стран делает более вероятной адаптацию к новым вызовам не через мирное развитие законодательства, а путем государственного переворота.

11. Революция не является неременным средством разрешения противоречий, накопившихся в данном обществе

Соответственно революция – это не способ достижения какой-то цели («цели революции»), а механизм разрешения противоречий. Механизм радикальный, но не необходимый и отнюдь не самый эффективный. Можно сказать, что революция не телеологична, хотя и казуальна, то есть является результатом определенной логики событий.

12. Опыт революций в ходе революций

Компромиссы в революциях практически исключены. Однако революции и революционеры учатся на опыте прошлых революций и революционеров. Более того, учет опыта предшественников позволяет существенным образом корректировать ход революции.

Участники Российской революции 1917 года с самого начала в своем анализе хода событий и в дискуссиях активно опирались на опыт Французской революции. Это касается и перспектив радикальной фазы («якобинства»), и перспектив отката революции («термидора»). Причем и та и другая фаза рассматривались одновременно и как угроза, и как надежда – в зависимости от политической позиции участников событий.

Уже в июне-июле 1917 года развернулась дискуссия о перспективах возникновения якобинской диктатуры в России. Правые, естественно, стремились не допустить реализации подобного сценария. О возможности развития событий по пути «якобинского эксперимента» писал в газете «Речь» лидер кадетов П. Н. Милюков, который, отождествляя якобинство с террором, видел в этом деградацию революции. Эта тема была немедленно подхвачена на крайнем левом фланге В. И. Лениным, который, естественно, дал якобинству прямо противоположную оценку, охарактеризовав его как «один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение»³. Иными словами, большевики изначально считали себя современными якобинцами – и готовы были сыграть эту роль.

Из такого понимания своей роли вытекает и то, что термидор всегда был для большевиков кошмаром – и одновременно надеждой умеренных политических деятелей и исследователей.

Термидор стал важным уроком для революционеров будущего, которые, естественно, стремились не допустить повторения трагедии радикалов. Большевики всегда были озабочены тем, чтобы избежать судьбы якобинцев.

Отсюда их готовность к «самотермидоризации» в виде новой экономической политики (нэпа).

Объявленный весной 1921 года нэп отменил радикальные экономические и политические институты периода «военного коммунизма», что рассматривалось тогда как уступка мелкобуржуазному крестьянству. Характерно, что В. И. Ленин прямо назвал эти решения

³ «Взяв „всю власть“, Советы скоро убедятся, что у них очень немного власти. И они должны будут восполнить недостаток власти испытанными в истории младотурецкими или якобинскими приемами... Захотят ли они... скатиться вниз до якобинства и террора...?», – писал П. Н. Милюков. Отвечая ему, В. И. Ленин писал: «Историк прав... *Либо* наступление, поворот к контрреволюции... *Либо* – „якобинство“. Историки буржуазии видят в якобинстве падение („скатиться вниз“). Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших *подъемов* угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики. Полной победы не суждено было завоевать якобинцам, главным образом потому, что Франция XVIII века была окружена на континенте слишком отсталыми странами и что в самой Франции не было материальных основ для социализма, не было банков, синдикатов капиталистов, машинной индустрии, железных дорог» (*Ленин В. И. Можно ли запугать рабочий класс «якобинством»? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1969. Т. 32. С. 374. Далее – ПСС*).

«самотермидоризацией» большевиков⁴. Впрочем, это не спасло жизнь многих лидеров радикальной фазы революции, которые позднее стали жертвами сталинского режима.

Отсюда же очень болезненная реакция сталинского руководства компартии на предсказания термидорианского перерождения режима (об этом писали Н. В. Устрялов «справа» и Л. Д. Троцкий «слева»⁵).

13. Отказ от этических оценок революции

Революцию не следует ни возводить на пьедестал, ни проклинать. Это определенный механизм снятия накопившихся в обществе противоречий. Нужен объективный анализ революционных трансформаций, а не эмоциональные оценки прошлого и настоящего.

14.

Опыт революций прошлого выступает важным фактором понимания посткоммунистической трансформации России, которое, в свою очередь, становится источником развития общих представлений о революциях.

⁴ Ленин В. И. Материалы к X Всероссийской конференции. Планы доклада о продовольственном налоге // Ленин В. И. ПСС. Т. 43. 1970. С. 403.

⁵ См.: Устрялов Н. В. Под знаком революции. Харбин, 1925; Троцкий Л. О термидорианстве и бонапартизме // Бюллетень оппозиции. 1930. № 17–18; Троцкий Л. Рабочее государство, термидор и бонапартизм // Бюллетень оппозиции. 1935. № 43.

Раздел I

Экономика и революция: уроки истории

Глава 1

Понятие революции

ОПРЕДЕЛЕНИЕ революции не может быть абсолютным. Существует множество различных вариантов трансформации общества из одного состояния в качественно иное. Смена качественных характеристик нередко обуславливает использование термина «революционный». Однако все эти революции являются таковыми лишь по своему результату – они предполагают смену качественного состояния системы (в данном случае общества). Такое широкое понимание мало чем поможет осмыслить те или иные события, претендующие на звание «революционных». Очевидно, что, помимо глубины преобразований, важен еще и механизм их осуществления.

Здесь мы подходим к очень важному моменту. Традиционно революции трактовались как насильственные смены режимов, связанные с возникновением новой элиты и наличием новой идеологии. Опыт посткоммунистической трансформации требует пересмотра этой дефиниции. Да, революция представляет собой радикальную, системную трансформацию данного общества. Однако роль насилия, изменения элиты и идеологии не должны абсолютизироваться. Гораздо более важной характеристикой полномасштабной революционной трансформации является то, что она осуществляется в условиях резкого ослабления государственной власти. Политическое проявление этого кризиса – острый конфликт элит (и вообще основных групп интересов), отсутствие между ними консенсуса по базовым ценностям, по ключевым вопросам направления дальнейшего развития страны. Для экономистов же слабость власти проявляется прежде всего в финансовом кризисе государства, в его неспособности собирать налоги и балансировать свои расходы со своими доходами.

Слабость государственной власти обуславливает стихийный характер протекания экономических и социальных процессов, что в свою очередь делает великие революции удивительно похожими друг на друга как по фазам развертывания экономического и политического кризиса, так и по базовым характеристикам. Общественное развитие вдруг оказывается результатом не чьих-то целенаправленных воздействий (иногда более, а иногда менее эффективных, но все же осмысленных), а результатом равнодействующей многих групп интересов, «тянущих» страну в разных направлениях. Отсюда возникает стихийность. Но отсюда появляются и закономерности, делающие великие (полномасштабные) революции столь похожими друг на друга.

Именно стихийность, а не насилие является конституирующим признаком революции. Насилие, несомненно, также имеет место. Острый конфликт основных групп интересов, невозможность найти общий язык по фундаментальным вопросам жизни страны делают практически неизбежным использование силы для навязывания определенной системы ценностей, относительно которой оказывается невозможно договориться при помощи обычных (легитимных на данном уровне развития страны) процедур. Однако уровень насилия не поддается внятной оценке, тем более количественной. Сколько нужно насилия, чтобы данная трансформация была признана революционной? Кто это способен оценить? Вряд ли можно согласиться с тем, что более великими считаются более кровавые революции. Эти основания становятся еще более зыбкими, когда мы переходим от аграрных стран к анализу революционных событий в урбанистических обществах. По мере роста общего уровня социально-эко-

номического развития (а вместе с ним образования, культуры, материального благосостояния) роль насилия в принципе снижается, потому что населению теперь уже «есть что терять».

Смена элиты в ходе революции, несомненно, происходит. Однако ее не следует смешивать с немедленным физическим (на эшафот, в эмиграцию или в отставку) устранением представителей элиты старого режима. Здесь надо учитывать два обстоятельства. Прежде всего, радикальность обновления элиты, как правило, сильно преувеличивается историками революций⁶. При обращении же к высказываниям современников этих событий почти всегда сталкиваешься с жалобами на сохранение у власти многих представителей старой элиты. Причем подобные жалобы характерны даже для таких, казалось бы, радикальных потрясений, как Великая французская революция. Лишь по прошествии времени ситуация меняется, появляется действительно новая элита, не связанная со старым режимом.

Более важен другой аспект данной проблемы. Смена элиты не должна в принципе отождествляться с представляющими ее физическими лицами. Новая элита – это готовность людей действовать в новых обстоятельствах, играть по новым правилам, в новой логике. К этому могут приспособиться как выходцы из старой элиты, так и новые лица. Вряд ли оттого, что епископ Оттенский был представителем старой элиты, Талейран не является ярчайшим представителем именно нового режима. Равно и присутствие В. Черномырдина в высших слоях советской номенклатуры (министр и член ЦК КПСС) не может приуменьшить его роль в становлении новейшего российского капитализма. Роль, которую он сыграл и как создатель и вдохновитель Газпрома, и как премьер-министр. Словом, роли важнее происхождения.

Аналогичные рассуждения применимы и к вопросам трансформации собственности. Аргументы смены собственника, несомненно, важны, но их не следует абсолютизировать. Гораздо важнее не физическая смена собственника, а смена формы собственности. Важный пример дает в этом отношении Английская революция середины XVII столетия. Большинство исследователей считают ее непоследовательной, половинчатой, поскольку в ее ходе не происходило радикальных перемен собственности, а аристократия в значительной массе была сохранена. Особое удивление вызывает готовность лидеров революции конфисковать у роялистов земельные владения и далее перепродать их старым же владельцам. Однако здесь важно другое: после перепродажи это была уже другая собственность, частная, освобожденная от старинных феодальных обязательств, составляющая основу для будущего капиталистического общества и обеспечивающая необходимую социальную базу для будущего экономического роста. Аналогично развивалась ситуация и в посткоммунистической России, где после начального этапа приватизации значительная часть собственности оказалась под контролем директоров этих же предприятий, а затем постепенно переходила в другие руки.

Не следует преувеличивать и роль возникновения новой идеологии. Революция, несомненно, связана с идеологией, однако связь эта более сложная, чем обычно принято думать. Революция не навязывает обществу новую идеологию. Напротив, революция происходит тогда, когда общество (и прежде всего его элита) оказывается захвачено новой идеологией, новыми представлениями о «правильном» общественном устройстве.

Просвещение, идеология «естественного порядка» и «духа законов» сформировали основу французской революции и общую базу деятельности практически всех революционных и постреволюционных правительств. Для рубежа XIX–XX веков были характерны кризис системы рыночной демократии и утверждение в мире идеологии индустриализма, монополизма и этатизма, и большевики не могут обладать монопольными правами на построенную в СССР экономико-политическую модель (другое дело – количество жертв,

⁶ На это обращал внимание и Дж. Голдстоун. См.: *Goldstone J. A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press, 1991. P. 296.

которые они заставили принести страну для воплощения этой модели). Посткоммунистические преобразования в полной мере вписываются в победившую в цивилизованном мире к началу 1980-х годов систему экономико-политических воззрений и ценностей, основанную на либерализме и индивидуализме, символом которой стал знаменитый тезис Ф. Фукуямы о «конце истории»⁷. Словом, доминирующая идеология эпохи задает общие рамки революции вообще и ее экономической политики в частности.

Таким образом, революцию можно определить как системную трансформацию общества в условиях слабого государства. Точнее, это определенный механизм социальной трансформации, механизм прохождения через системный общественный кризис и адаптации к новым вызовам своей эпохи.

Возможны и другие механизмы адаптации страны к новым вызовам, среди которых постепенные реформы, осуществляемые старым режимом, завоевание иностранным государством и, наконец, «революции сверху». Однако общей чертой всех этих механизмов трансформации, отличающей их от революции, является наличие сильной власти (национальной или оккупационной), обеспечивающей контроль за характером и ходом реформ. Здесь нет места хаотической борьбе примерно равных сил с неясным политическим исходом. Борьбе, делающей всю общественную жизнь в высшей степени неопределенной – как в краткосрочной перспективе, так и в плане стратегическом.

Эта неопределенность, обусловленная политической борьбой, в значительной мере предопределяет облик революционного общества, включая экономические механизмы революционной трансформации.

⁷ См.: *Fukuyama F. The End of History and the Last Man*. L.: Penguin Books, 1992.

Глава 2

Революция и государственная власть

РЕВОЛЮЦИЯ как определенный способ трансформации общественно-экономической системы характеризуется набором признаков, среди которых главными являются следующие.

Во-первых, системный характер преобразований, их глубина и радикальность. Революционная трансформация всегда предполагает глубокие изменения в отношениях собственности, не говоря уже о серьезном обновлении социально-политической структуры общества. Однако не всякие системные изменения, имевшие место в истории отдельных стран, могут рассматриваться как революции. Сильное правительство может осуществлять глубокие, радикальные преобразования, имеющие в перспективе несомненно революционные последствия, но остающиеся по сути своей реформой (иногда их называют «революциями сверху»). Примерами здесь могут служить революция Мэйдзи в Японии, реформы Бисмарка в Германии, а из более приближенных к нашему времени – посткоммунистические трансформации в странах Центральной и Восточной Европы. Радикальные, системные изменения могут происходить и в результате поражений в войнах и иностранной оккупации (как это было, скажем, в Пруссии после Наполеоновских войн или в Японии и Германии после Второй мировой войны).

Впрочем, глубину преобразований, происходящих в ходе революции, не следует и переоценивать. Приносимые революцией изменения представляются радикальными обычно лишь потомкам. Тогда как общество, выходящее из революционных катаклизмов, воспринимается большинством современников скорее как пародия на старый режим, нежели как принципиально новое слово в развитии данной страны. Некоторые исследователи подчеркивают, что революция решает задачи, которые были бы решены и без нее, но делает это с гораздо большими издержками⁸. Иногда в качестве критерия революционности рассматривается радикальность смены элит. Но при детальном рассмотрении революций прошлого выясняется, что представления о радикальности этого процесса были сильно преувеличены в общественном сознании потомков.

Во-вторых, революционная трансформация обусловлена внутренними кризисными процессами в той или иной стране. Она не может быть навязана извне. Это предопределяет политическую и идеологическую среду революции, когда вместе с разрушением государства рушатся и казавшиеся незыблемыми ценности (будь то святость монархии, единство нации или мессианская роль мирового коммунизма). Именно поэтому национально-освободительные движения, как правило, не являются революциями, в них всегда имеется идейно-политический стержень, служащий важнейшим фактором объединения разрозненных сил нации. Хотя сказанное не отменяет того факта, что задачи национального освобождения могут также решаться в рамках революций.

В-третьих, слабое государство. Революция характеризуется отсутствием сильной политической власти, способной консолидировать осуществление системных преобразований. Именно слабость власти предопределяет резкое усиление в революционном обществе стихийности осуществления социально-экономических процессов, с одной стороны, и появление по этой причине некоторых закономерностей революционной трансформации – с другой.

⁸ Одним из первых это проанализировал Алексис де Токвиль. (См.: Токвиль де А. Старый порядок и революция. М.: Московский философский фонд, 1997.) Более подробно эти вопросы рассмотрены в: Хиришман А. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М.: ГУ-ВШЭ, 2010.

Последний фактор критически важен. На самом деле именно кризис и следующий за ним распад государственной власти делают практически неизбежной трансформацию общества по революционному (а не реформаторскому) типу. Радикализм революционной трансформации набирает силу и приобретает стихийный характер тогда, когда власть оказывается не способна контролировать и направлять развитие событий⁹. Можно выделить две основные причины резкого ослабления государства накануне и в ходе революции.

Одна из них – глубокий финансовый кризис. Он возникает, когда власть по тем или иным причинам лишается традиционных источников поступлений в бюджет и (или) происходит резкое увеличение расходов бюджета. Первое может быть связано с изменениями социального характера, доходы начинают концентрироваться в новых секторах экономики, и налоговая система оказывается не способна адаптироваться к меняющимся условиям. Второе происходит при усилении внешних и внутренних факторов давления на существующий режим, при значительном увеличении расходов, являющихся в данную эпоху необходимыми атрибутами сильного государства. (Скажем, таким фактором выступает резкое возрастание военных расходов в форме или «удорожания войны», характерного для Европы XVII столетия, или качественно нового витка гонки вооружений в 1970-1980-х годах.)

Однако ослабляющий государство финансовый кризис еще не делает революцию неизбежной. Если власть оказывается способной с ним справиться, то дело, как правило, ограничивается реформами той или иной масштабности и глубины.

Другой причиной ослабления государства является фрагментация социальной структуры предреволюционного общества, в результате чего власть оказывается неспособной формировать и поддерживать устойчивые коалиции социальных сил в поддержку своего курса, и прежде всего курса, нацеленного на преодоление финансового кризиса (причем в данном случае неважно, курса реформистского или реакционного). Под воздействием новых экономических процессов (будь то начало экономического роста и первые шаги индустриализации либо резкое увеличение доступных финансовых ресурсов в силу внешнеэкономических факторов) в предреволюционных обществах происходит заметное усложнение социальной структуры, когда возникает размежевание внутри традиционных классов и групп интересов, и на традиционную структуру общества накладываются новые социальные явления и процессы.

Исторический анализ показывает, что превращение общества в «лоскутное одеяло» характерно для предреволюционной ситуации в любой стране. Государственная власть теряет ориентиры и опорные точки своей политики. То, что еще недавно приводило к укреплению режима, теперь ослабляет его. Любая попытка реформ и преобразований еще более усиливает недовольство большей части общества существующим режимом, поскольку в условиях фрагментации коалиция «против» обычно оказывается сильнее коалиции «за». Постепенно, но неуклонно разрушается консенсус относительно базовых ценностей и принципов развития данной страны. Теряя социальную опору, власть начинает метаться, еще более подрывая свой авторитет.

Словом, ослабление власти связано с отсутствием консенсуса по базовым ценностям, целям функционирования данного общества. Отсутствие консенсуса как раз и означает, что общество распадается на множество противоборствующих и одновременно пересекающихся группировок (социальных, территориальных, этнических), каждая со своими политическими и экономическими интересами, причем никакое правительство не способно

⁹ К любой великой революции применима данная Франсуа Фюре характеристика Франции конца XVIII столетия: «В действительности революционный поток 1789–1794 гг. хотя и регулировался сменявшими друг друга у власти группами, на самом деле никогда не находился под контролем, поскольку состоял из противоположных интересов и представлений» (Фюре Ф. Постигание Французской революции. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 132).

предложить политический курс, который обеспечивал бы консолидацию и, соответственно, поддержку сколько-нибудь значимого большинства.

Слабость государства проявляется в ряде характеристик, типичных для любых революций, в какую бы эпоху они не совершались. Среди наиболее универсальных проявлений слабости государственной власти можно выделить следующие:

- постоянные колебания экономического курса. Революционная власть находится под давлением с различных сторон, и, чтобы выжить, ей нужно беспрестанно маневрировать между разными силами и группами интересов;

- возникновение множественности центров власти, конкурирующих между собой за доминирование в обществе. «Двоевластие» – термин, вошедший в отечественную политическую лексику на фоне опыта Февральской революции 1917 года, на самом деле является характерной чертой любой великой революции. Центров власти может быть и несколько. Предельным, хотя и не единственным, типом конкуренции центров власти считается гражданская война;

- отсутствие сложившихся политических институтов, поскольку старые вскоре после начала революции оказываются разрушенными, а новые еще только предстоит создать. В результате функции политических посредников могут выполнять разнообразные стихийно возникающие организации и институты;

- соответственно, отсутствие сколько-нибудь понятных и устоявшихся правил игры. Процедуры принятия решений властью не являются жестко установленными. Принятые решения далеко не всегда исполняются, а даже когда исполняются, трактуются весьма субъективно. Высказывание Робеспьера о том, что конституцией революции является соотношение социальных сил, оказывается актуальным в любых революционных катаклизмах.

Как показал еще в 1930-х годах Крейн Бринтон, основываясь на опыте Великой французской революции и российской революции 1917 года, революционный процесс проходит через ряд фаз, общих для всех великих революций. С учетом накопленного к настоящему времени опыта можно говорить о наличии четырех фаз революции¹⁰.

Первая – это «розовый период», когда тотальное неприятие старого режима приводит к единству самых разнородных сил, свергающих старый режим. Это период великих иллюзий и ожидания близкого всеобщего счастья. Первое революционное правительство видит всеобщую поддержку и потому верит в свои исключительные возможности, в наличие у него потенциала решить многовековые проблемы, неподвластные антинародному режиму прошлого. Это приводит к ряду политических недоразумений и тяжелых экономических ошибок.

Вскоре выясняется, что единство заключалось только в отрицании старого, тогда как новая повестка видится разным социальным силам по-разному. Начинается вторая фаза – поляризация и нарастание системного кризиса, прежде всего политического и экономического. Социальная база режима быстро размывается, правительство пытается удержаться посередине и от этого все быстрее теряет поддержку.

На третьей фазе коллапс ранней революционной власти приводит к власти радикальную партию, которая уничтожает остатки старых политических и хозяйственных институтов. Революция проходит «точку невозврата».

Однако власть радикалов не может держаться долго. По мере укрепления завоеваний революции ослабевают и основы радикальной власти. Она выполнила свою работу и постепенно теряет социальную поддержку. Приходит время четвертой фазы, которую на основе французского опыта принято называть термидорианской. К власти приходит странная коа-

¹⁰ Brinton C. The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition. N. Y.: Vintage Books, 1965.

лиция умеренных от старого режима и умеренных из радикалов, при которых происходит постепенная консолидация власти и постреволюционный режим обретает устойчивые черты. Наличие общих черт революции в значительной мере объясняется стихийным, никем не контролируемым характером ее развертывания. Это же становится причиной и общих экономических черт, присущих великим революциям.

Глава 3

Революционный экономический кризис: общая формула и национальная специфика

СЛАБОСТЬ государственной власти оказывает непосредственное и разнообразное влияние на состояние экономики революционной страны. В общем виде это становится причиной возникновения и развития «революционного экономического кризиса» – устойчивого кризисного состояния экономики, сохраняющегося на протяжении примерно пятнадцати лет и являющегося естественным следствием продолжительного политического кризиса (кризиса власти). Это кризис, сопровождающий глубокую трансформацию общественной системы и находящийся с этой трансформацией в органической двусторонней взаимосвязи. С одной стороны, логика развития революции, как правило, подталкивает к принятию неэффективных экономических решений, обусловленных в конечном счете самим фактом слабости государственной власти. Множественность социальных группировок, противоположность их политических и экономических интересов, их возможность непосредственно влиять на власть лишь усиливают неустойчивость проводимого курса, становящуюся самостоятельным фактором экономического кризиса. С другой стороны, сам экономический кризис выступает естественным механизмом постоянного воспроизводства кризиса политического. Ни одно правительство не оказывается способным сформировать опирающийся на консенсус экономико-политический курс и соответственно обеспечить консолидацию большинства общественных сил страны. Это не может не дискредитировать власть в глазах общественного мнения и быстро приводит к тому, что она лишается поддержки (моральной и политической). Выход из революционного экономического кризиса оказывается особой и весьма сложной политической проблемой.

Наконец, существует еще одна особенность, способствующая ослаблению власти и усилению экономического кризиса, сопровождающего революции. Это ошибки раннего революционного правительства – того самого, которое приходит к власти на волне всеобщего единства и энтузиазма. Новая власть видит широчайшую народную поддержку и поэтому искренне верит в наличие у нее огромных возможностей, недоступных «старому режиму». Питаясь этими иллюзиями, раннее революционное правительство, как правило, совершает крупные экономические ошибки – принимает меры, мало соответствующие человеческой природе, экономической логике и здравым смыслом. Ошибки, которые имеют фатальный характер для судьбы этого правительства и во многом определяют дальнейший ход революции.

3.1. Фазы экономического кризиса революции

Анализ экономической практики великих революций прошлого позволяет сформулировать своего рода общую модель революционного экономического цикла. Как всякое обобщение, эта модель несет в себе, несомненно, некоторое упрощение реального развития событий, оказывается беднее реальной жизни. Однако при всей условности, она позволяет более четко сформулировать наиболее важные характеристики и закономерности экономических процессов революции, которые при ином подходе будут скрыты за множеством частных, специфических черт и деталей.

В экономическом цикле революций можно выделить следующие фазы.

Предварительная фаза – движение к революции. Для нее характерен достаточно быстрый экономический рост (на протяжении 30–50 лет), отличительной чертой которого является существенная неравномерность изменения экономического положения сложившихся социально-политических классов и групп. Этот рост дестабилизирует баланс социально-политических сил и делает ситуацию исключительно уязвимой к разного рода негативным внешним воздействиям – экономическим и политическим кризисам, реформам, войнам.

Первая фаза – резкое ухудшение ситуации и начало революции. Приход к власти правительства умеренных. Наиболее яркими характеристиками этой фазы являются финансовый кризис той или иной степени остроты, а также ухудшение материального положения значительных слоев населения. Последнее возможно по разным причинам – из-за плохих урожаев и угрозы голода, дезорганизации хозяйственной жизни в условиях военного времени и т. п. В ряде случаев может идти речь и о начале спада производства в отдельных отраслях национальной экономики (аграрных применительно к ранним революциям и промышленных для революций XX века).

Вторая фаза – некоторое улучшение экономической ситуации. Социальная стабилизация, связанная с политическим (надежды на популярное правительство) и экономическим факторами. Улучшается как финансовая ситуация, так и производственная динамика. Временные позитивные хозяйственные сдвиги на ранней стадии функционирования правительства умеренных характерны практически для всех революций. Исключение составляет только Россия 1917 года, уже третий год участвовавшая в мировой войне.

Третья фаза – резкое усиление кризиса и связанное с этим обострение социально-политической борьбы. Почти полная потеря контроля за экономическими и финансовыми процессами. Сжимается производство, продолжается падение уровня жизни, угроза голода и холода (применительно к северным странам и регионам) становится как никогда реальной. Практически всегда это связано с радикализацией политического режима.

Четвертая фаза – продолжающееся ухудшение экономической ситуации в условиях радикального политического режима. Спад производства достигает своей нижней точки, инфляция сохраняется на высоком уровне. Однако эта стадия имеет ряд важных особенностей.

Во-первых, в ряде случаев приход радикалов к власти может вызвать улучшение ситуации в отдельных сферах хозяйственной жизни. Жесткий мобилизационный режим способен на непродолжительное время обеспечить стабилизацию, скажем, в финансовой области или в некоторых секторах производства, организовать и поддерживать чрезвычайный режим снабжения населения базовыми продуктами питания. Словом, решать отдельные экономические проблемы, что позволяет говорить о кратковременном повышательном тренде, за которым следует возобновление полномасштабного кризиса.

Во-вторых, ухудшение экономической ситуации в условиях радикального режима не носит обвального характера. Глубина хозяйственного спада уже приближается к своему максимуму, а решительность и активность правительства позволяет если не смягчать, то по крайней мере тормозить усиление негативных трендов. Однако кризис развивается, и именно на его фоне происходит падение радикального режима.

Пятая фаза – новый виток экономического кризиса после падения радикального режима. Чаще всего на этой стадии происходит резкое ухудшение условий жизни значи-

тельной части населения (вплоть до массового голода), а также обострение кризиса государственных доходов, переходящее в затяжной бюджетный кризис.

Шестая фаза – постепенная стабилизация и выход на плавную, эволюционную траекторию экономического развития. Разумеется, здесь далеко не все происходит гладко. Благосостояние значительных слоев населения еще долго остается на весьма низком уровне, бюджетный кризис становится долгосрочным фактором функционирования хозяйственной системы. Однако стабилизируется денежная ситуация, происходит постепенное оздоровление финансов, начинает расти производство. Хотя выход на дореволюционный уровень хозяйственного развития происходит по прошествии длительного времени и не по всем параметрам одновременно.

Анализ будет неполным и неточным, если оставить без внимания существующие в мировой экономической истории (и особенно в истории XX века) примеры длительного функционирования экономики в условиях кризиса, во многом аналогичного революционному, но разворачивающемуся в других экономико-политических обстоятельствах. Развитие кризиса аналогичного типа происходит в условиях слабого государства, в котором отсутствует устраивающий ключевые социально-экономические группы (прежде всего элиту) механизм выработки взаимоприемлемых решений, а политическая власть оказывается неспособной добиваться последовательной реализации своих целей. Здесь возможны по крайней мере два варианта развития событий, которые кратко будут охарактеризованы ниже.

Один – попадание страны в состояние перманентного экономического кризиса (то есть валютно-финансовой нестабильности, бюджетного кризиса, стагнации или спада производства) в результате предпринимаемых усилий проведения масштабных социально-экономических преобразований. По опыту последних ста лет нетрудно заметить, что подобное развитие событий, если исключить случаи войн и длительных вооруженных противостояний (например, ближневосточного), как правило, связано с глубокими политическими изменениями, сопровождаемыми попытками решительного и быстрого преодоления стоящих перед страной социально-экономических проблем. То есть в ситуациях, близких к революционным или на самом деле являющихся «революциями сверху». Именно таков характер наиболее значительных политических преобразований в Латинской Америке – например, в Бразилии (революция 1930 года и правление Жетулио Варгаса), в Аргентине (в результате переворота-революции 1930 года и позднее при правлении Хуана Перона, 1946–1955), в Чили (победа Народного фронта в 1971 году). Во всех этих случаях новые правительства, приходя к власти на волне глубокого экономического и политического кризиса, оказывались перед необходимостью не просто проведения реформ, но быстрой демонстрации их положительных результатов¹¹.

Начинающиеся здесь преобразования являются достаточно глубокими, чтобы претендовать на эпитет «революционные», причем их популистский характер и логика их реализации также оказываются весьма близкими к деятельности «раннего революционного правительства». Схожи и последствия – на первом этапе преобразования дают позитивные социально-экономические эффекты (растут зарплата и занятость, хотя и исчерпываются золотовалютные ресурсы), однако через непродолжительный период позитивные тренды

¹¹ Последнее происходит вследствие или недостаточной легитимности режима, или его недостаточной политической устойчивости. Примером первого может служить Бразилия, второго – Чили.

сменяются острым экономическим кризисом¹². В дальнейшем события развиваются по двум возможным сценариям.

Или побеждает контрреволюция (во всяком случае, режим, являющийся «контрреволюционным» по отношению к революционерам предыдущего, популистского правительства), которая восстанавливает политический порядок, ужесточает механизм осуществления политической власти и на этой основе проводит более осторожные реформы, которые действительно назрели и которые по-своему, в другой политической и идеологической системе координат, пыталось решить свергнутое правительство. Таков сценарий событий в Чили. И, собственно говоря, в своих существенных моментах он мало чем отличается от оборванных революций типа германской 1848 года или российской 1905 года.

Или первоначально возникший режим вырождается в военную диктатуру, отбрасывает задачи реформирования системы, сам останавливает или сворачивает реформы и в дальнейшем функционировании ориентируется лишь на свое политическое (и физическое) выживание. Нерешенность задач, вызвавших первоначальный переворот, неготовность властей решать эти задачи делают состояния кризиса перманентным, а жесткость политического режима или (и) поддержка его извне (например, по геополитическим соображениям) обуславливают длительное его существование, несмотря на остроту возникающих проблем. Последний вариант мало чем отличается и от предельного случая длительного сохранения в стране неэффективного диктаторского режима, достаточно сильного для того, чтобы не допускать серьезных экономико-политических изменений, но достаточно слабого для осуществления более или менее последовательных шагов по выходу экономики из кризиса¹³. Понятно, что все это уже не имеет никакого отношения к экономическому кризису (и циклу) революций.

Последние соображения побуждают нас сделать еще один вывод общего характера: рассмотренные характеристики и тенденции «революционного экономического цикла» не являются критериальными чертами революции. Существование подобных трендов в других обстоятельствах и исторических эпохах никак не может свидетельствовать в пользу вывода о наличии или вызревании революционных процессов. Справедливо обратное – глубокие, революционные изменения, если они происходят в данной стране, сопровождаются в общем схожими экономическими трендами.

3.2. Основные элементы экономического кризиса революции: общее и особенное

Исторический опыт позволяет выделить ряд общих черт, характерных для революционного экономического кризиса. Практически все возникающие здесь проблемы в полной мере проявились уже в периоды английской революции середины XVII века и французской конца XVIII века. В последующем в разных странах и при разных обстоятельствах (в России, Мексике, Китае, Иране и т. п.) закономерности революционных экономик продемонстрировали устойчивость принципиальных черт.

¹² См.: The Macroeconomics of Populism in Latin America / R. Dornbusch, S. Edwards (eds.). Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1991. P. 11–12.

¹³ Развитие событий в таких случаях детерминировано соотношением сил групп интересов и их возможностью влиять на правительство. В современной литературе по политической экономии эта ситуация характеризуется как проблема «слабого диктатора». В соответствующих работах подробно анализируются механизмы, на протяжении длительного времени препятствующие решению задач макроэкономической стабилизации и достижения социально-экономической устойчивости в той или иной стране (см. подробнее: Alesina A. Political Models of Macroeconomic Policy and Fiscal Reform. Washington D. C.: The World Bank, 1992).

Рост транзакционных издержек. В основе экономических проблем, характерных для революции, находится политический кризис и вызываемый им рост транзакционных издержек. Можно выделить ряд факторов, снижающих стимулы предпринимательской деятельности и ограничивающих возможности экономических агентов оценивать перспективы принимаемых ими решений. Во-первых, это связано с неясностью перспектив нового экономического и политического порядка, что становится особенно заметным при перераспределении собственности, когда новые собственники не могут оценить надежность сделанных ими приобретений. Во-вторых, уже в начале революции происходит слом институциональной структуры общества, то есть правил игры, по которым привыкли действовать экономические агенты (особенно это касается коренной трансформации отношений собственности). Наконец, в-третьих, неспособность слабого государства обеспечить исполнение законов и контрактов приводит к тому, что предприниматели должны идти на дополнительные затраты для подтверждения надежности сделок. Все эти проблемы обостряются во время гражданских войн, сопровождавших все великие революции прошлого. В результате предприятия «склонны избирать краткосрочную стратегию», а «самыми выгодными занятиями становятся торговля, перераспределение или операции на черном рынке»¹⁴. Причем торгово-посредническая деятельность хотя и оказывается несравненно эффективнее производственной, все равно несет значительный ущерб от нестабильности правил игры.

Рост транзакционных издержек стал важнейшим фактором ухудшения экономической ситуации уже в годы английской революции, когда революционные процессы протекали относительно сглаженно, а надежность прав собственности обеспечивалась в большей мере, чем в последующих революциях. Еще сильнее проблема транзакционных издержек влияла на развитие событий во всех последующих революциях.

Бюджетный кризис революции. Центральным пунктом революционного экономического кризиса является бюджетный кризис, который остается актуальным на протяжении всего периода революции. В условиях революции финансовый кризис выступает прежде всего как кризис государственного бюджета, то есть как неспособность государства финансировать свои расходы традиционными и легитимными способами. Практически все революции начинались с кризиса государственных финансов, который в дальнейшем практически неизбежно приводил к разрушению финансовой системы страны. Финансовый кризис выступал важнейшим фактором падения «старого режима», а также в значительной мере предопределял политические конфликты и последовательное падение правительств по ходу развития революции.

Исторический опыт свидетельствует о существовании двух возможных вариантов возникновения и развития финансового кризиса революции.

Один связан с резким возрастанием финансовых потребностей существующей власти и ограничением источников финансирования госрасходов. Типичный пример такого рода развития событий дает Англия начала 1640-х годов, когда обострение внутренних конфликтов потребовало существенного возрастания государственных доходов, что оказалось невозможным в сложившихся политических обстоятельствах (имеется в виду претензия короны на беспарламентное правление и особенно произвольное введение налогов). Финансовый кризис, как поначалу представляется, имеет краткосрочный характер, однако возможности решения его оказываются ограниченными из-за ограниченности авторитета (легитимности) политического режима. Для решения финансовых проблем правительство ищет новые формы легитимации, пытается опереться на дополнительные источники властного авторитета, что только приводит к размыванию власти, возникновению и упрочению конкурирую-

¹⁴ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. С. 92.

щих друг с другом центров власти. Полицентризм власти способствует усугублению экономических проблем и началу длительного финансового и экономического кризиса.

Другой вариант связан с постепенным вращением «старого режима» в финансовый кризис, который уже до начала революции приобретает устойчивый, затяжной характер. Кризис, связанный с неэффективностью существующей политической и хозяйственной системы, приводит к кризису власти, которая, как и в первом случае, пытается найти и задействовать новые источники легитимности, но они оказываются самостоятельными и конкурирующими центрами власти. Далее события развиваются по первому сценарию. Типичным примером подобной динамики является революционная Франция конца XVIII столетия.

Финансовый кризис как кризис государственных доходов приводит к резкому и еще большему ослаблению политической власти. Причем не только «старого режима», но и возникающих новых революционных правительств – от умеренных до радикальных (последовательно сменяющих друг друга на протяжении революции). Революционное правительство – это всегда правительство бедное, для которого поиск денег для своего существования играет первостепенную роль.

Потеря финансовой базы связана, как правило, с двумя факторами. С одной стороны, с резким сужением возможностей государства собирать налоги. Кризис власти, ее делегитимизация рано или поздно (обычно довольно быстро) подрывает способность правительства собирать налоги. «Отказ платить налоги является устойчивой характеристикой революционного периода»¹⁵. Такое развитие событий может получить идеологическое и даже «научное освящение» – например, декларация об отмене налогов в 1789 году во Франции опиралась на учение физиократов (земля как единственный источник богатства)¹⁶, а разрушение государственных финансов России 1918–1920 годов интерпретировалось как результат естественного процесса «отмирания денег». Однако какими бы ни были декларируемые мотивы, существо самого факта остается постоянным и сводится к принципиальной неспособности революционной власти получить от населения деньги¹⁷. И тем более деньги в количестве, достаточном для ее (власти) укрепления.

С другой стороны, революционные потрясения неизбежно ведут к значительным структурным сдвигам в экономике. Происходят изменения в структуре спроса, за этим следуют изменения в занятости. Все это сказывается на общей экономической ситуации в стране, причем в краткосрочном плане влияние это является негативным, поскольку в этих условиях разрушаются традиционные источники доходов государства. Старых источников доходов уже нет, новые еще не возникли. Еще более ослабевает власть, еще более обостряется социально-политическая борьба.

Находясь в условиях жестокого кризиса, революционная власть в первую очередь озабочена проблемами своего выживания (а для многих деятелей революции речь идет о выживании в буквальном, физическом смысле слова) и при благоприятном развитии событий упрочения. Отсутствие сложившихся механизмов и рычагов управления, сколько-нибудь устойчивой политической структуры и сложившейся системы органов власти по вертикали

¹⁵ Aftalion F. *The French Revolution: An Economic Interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 51.

¹⁶ Широкое признание существовавшей предельно несправедливой налоговой системы обернулось уже в первые месяцы Великой французской революции потерей контроля со стороны центрального правительства за поступлением налогов в казну. В этой ситуации властям ничего не оставалось, как официально закрепить ликвидацию налогов в качестве инструмента «старого режима». Хотя такое решение соответствовало теоретическим взглядам воспитанных на идеях физиократов вождей Национального собрания, по существу шаг этот был вынужденным и в полной мере отражал слабость режима. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что власти среди прочих налогов были вынуждены отказаться от попыток собрать единственный признаваемый физиократами справедливый налог – земельный.

¹⁷ Известно, что в бюджетах революционных правительств упомянутых великих революций налоговые поступления составляли мизерную долю, колеблясь от 2 до 15 % общей суммы доходов. (См.: Далин С. А. *Инфляция в эпохи социальных революций*. М.: Наука, 1983. С. 56; Harris S. E. *The Assignats*. Cambridge, Mass.: Harvard University press, 1930. P. 51.)

обуславливает необходимость постоянно изыскивать нетрадиционные способы упрочения своего положения, источники средств для победы над внутренними и внешними врагами.

При всем разнообразии проблем, встающих перед революционным правительством, две из них являются жизненными, ключевыми, по отношению к которым все остальные занимают явно подчиненное положение: где взять деньги и как обеспечить коалицию социально-экономических сил (групп интересов), минимально необходимую для удержания власти. Более того, две названные проблемы взаимодополняемы. Они очень близки, хотя и не тождественны. Действительно, при наличии денег можно сформировать и проправительственную коалицию. А наличие устойчивого блока социально-политических сил делает более реалистичной возможность решения финансовых проблем власти¹⁸.

Необходимость решения этих вопросов на практике предопределяет деятельность революционных правительств, принимаемые ими политические решения и предпринимаемые практические шаги. Задача сохранения власти доминирует над идеологическими схемами и декларациями, какими бы на поверхности идеологизированными (или «теоретически обоснованными») ни выглядели построения и обещания приходящих к власти партий и группировок. Причем все сказанное в полной мере относится и к тем, кого принято считать радикалами.

Вопрос об источниках пополнения казны всегда был центральным и для последнего предреволюционного режима, и для всех сменяющих друг друга правительств революции, и для послереволюционной власти. С финансированием революции связаны самые острые коллизии внутренней и внешней политики. Не только контрибуции, реквизиции и новые налоги, но и меры по перераспределению собственности – национализация, приватизация, всевозможные конфискации – предопределялись в первую очередь поиском денег для революционной власти. Добавим к этому, что масштабная бумажно-денежная эмиссия как способ инфляционного финансирования государственного бюджета также стала открытием двух великих революций XVIII века – американской и французской.

Финансовый кризис революции проявляется в следующих основных формах.

Во-первых, падение сбора налогов и неспособность правительства применять силу государственного принуждения для получения законных налогов. В результате власти или закрывают глаза на эту проблему, прибегая к нетрадиционным способам пополнения казны (об этом ниже), или даже принимают официальные решения об отмене налогов, как это было во Франции в 1789–1791 годах.

Во-вторых, резко усиливается роль займов. Причем в большинстве случаев это не обычные добровольные займы, а займы «добровольно-принудительные» или откровенно принудительные. Последние часто переходят в контрибуции, налагаемые на сторонников старого режима. Кроме того, власти склонны идти на индивидуальные соглашения с потенциальными налогоплательщиками или крупными финансистами, договариваясь об их вкладе в государственный бюджет. Разумеется, не всегда займы доступны революционному правительству (как это было в революционной Франции или большевистской России), однако в большинстве случаев революционеры (даже на радикальной фазе) способны проводить как внутренние, так и внешние заимствования, хотя и в уменьшающемся масштабе по мере продвижения революции вперед.

В-третьих, типичным для многих революций является дефолт по государственным обязательствам, становящийся важным шагом на пути преодоления тяжелого финансового наследия предреволюционного или радикального революционного режимов. Типичные при-

¹⁸ На самом деле взаимосвязь финансовых и социальных проблем революции не столь проста. Поскольку социальная структура революционного общества является исключительно подвижной, неустойчивой, «социальное поле» революционного правительства также находится в состоянии постоянного изменения. Это означает, что ни финансовые, ни социальные проблемы не могут быть решены сколько-нибудь основательно, устойчиво.

меры такого рода действий – отказ термидорианского правительства от уплаты 2/3 своего долга (так называемое банкротство двух третей), а также отказ большевистского (то есть радикального) правительства платить по долгам прежних режимов.

В-четвертых, широкое распространение получают неплатежи государства получателям бюджетных средств. Это особенно характерно для завершающей фазы революций, когда правительство уже достаточно сильно, чтобы проводить ответственный финансовый курс, однако еще не имеет достаточного политического ресурса для формального балансирования бюджета (то есть для увеличения доходов до уровня бюджетных обязательств или официального снижения обязательств до уровня реальных доходов)¹⁹.

Впрочем, по мере завершения революции и консолидации политической системы меры финансово-экономической стабилизации начинают приносить плоды, воспользоваться которыми, правда, удастся не тем, кто эти мероприятия осуществлял, а следующим правительствам: в Англии налоговые новации Долгого парламента и Протектората были вполне восприняты правительством Реставрации, а результаты стабилизационных мероприятий французской Директории в полной мере проявились при Наполеоне Бонапарте²⁰. Уже располагая достаточными силами для проведения ответственной финансовой политики, Бонапарт уделял повышенное внимание достижению финансовой стабильности, что отчасти способствовало росту его популярности.

Агрессивная внешняя политика также может стать предпосылкой выживания властей в условиях бюджетного кризиса революции. Задолженность перед военными становится исключительно опасной для власти, что подталкивает к началу «революционных войн». Армия как бы переводится на самоокупаемость, и доходы от военных акций за рубежом приобретают конкретную бюджетную ценность²¹.

Нетрадиционные способы разрешения финансового кризиса. Поскольку революционная власть оказывается не в состоянии собрать налоги, поиск нетрадиционных источников денег перемещается в центр ее внимания. Таких источников в принципе может быть множество (включая патронируемое государством пиратство и военные действия против соседних стран для получения контрибуций²²), однако два из них являются основными. Во-первых, использование государственной монополии на чеканку (печатание) денег и соответственно

¹⁹ Для современного российского читателя небезынтересна следующая цитата, характеризующая ситуацию в постреволюционной (наполеоновской) Франции: «Если бы мы посетили любой крупный провинциальный город во Франции между 1808 и 1815 годами, то увидели бы голодающих учителей и священников, перебивающихся на скудном жалованье, пустые школы, больницы без медперсонала и без лекарств, городские власти, пребывающие в полной апатии и лишённые всякой инициативы» (Цит. по: *Henderson W. O. The Industrial Revolution on the Continent: Germany, France, Russia 1800–1914*. L.: Franc Cass, 1961. P. 81).

²⁰ «Директория не смогла воспользоваться результатами тех важных финансовых реформ, которые она осуществила. Надо занести в ее актив решение такой поистине гигантской задачи, как ликвидация ассигната, а также учреждение логичной налоговой системы, просуществовавшей более ста лет. Особенно выиграл от всего этого Бонапарт» (*Godechot J. Les Institutions de la France sous la Revolution et l'Empire*. Paris: Presses Universitaires de France, 1951. P. 440).

²¹ Именно этим фактором объясняют некоторые исследователи агрессивность внешней политики Кромвеля, весьма странную для страдающего от нехватки финансовых ресурсов правительства. «Одинаково опасными были как долги бюджета перед армией и флотом, так и недовольство сквайеров и купцов. Единственно возможное решение Кромвеля в такой ситуации состояло в жесткой внешней политике... которая сама могла стать источником бюджетных доходов». Правительство Протектората предприняло также попытку привлечь армию и флот к получению разного рода причитающихся государству сборов и пошлин, в частности, с промысляющих в английских водах рыбаков. Это было своего рода «использование вооруженных сил одновременно в качестве источника и получателя бюджетных средств» (*Ashley M. Financial and Commercial Policy under the Cromwellian Protectorate*. L.: Frank Cass, 1962. P. 17). Еще более важную роль играли «революционные войны» для Франции. На протяжении нескольких лет они были важнейшим источником государственных доходов, единственным способом восстановления золотого запаса страны – с августа 1796 года в страну из-за рубежа начинают прибывать сотни миллионов франков в золотой монете.

²² См.: *Далин С. А. Инфляция в эпохи социальных революций*. С. 41–43.

инфляционный налог. Во-вторых, манипуляции с собственностью (прежде всего, разумеется, с недвижимостью).

Причем эти два экономических механизма революции не только не являются альтернативными, но, напротив, исторически тесно связаны друг с другом²³. Первые опыты выпуска бумажных денег (французские ассигнаты) производились под обеспечение земельными ресурсами из государственного (национализированного) фонда. И напротив, свидетельства на получение в будущем конфискованных земельных наделов в Англии 1650-х годов использовались как средство платежа солдатам революционной армии.

Инфляционные механизмы финансирования революций хорошо изучены в экономической литературе²⁴. Логика действий правительств, прибегающих к бумажно-денежной эмиссии, достаточно проста. Революция оказывается в финансовой ловушке: доходная база бюджета разрушена, тогда как расходы революционной власти резко возрастают. Правительство прибегает к печатному станку, и количество денег все более отрывается от металлического обеспечения (или товарно-материальной базы). Деньги обесцениваются, что побуждает правительство применять стандартный набор насильственных действий: требование принимать денежные знаки по указанному на них номиналу, запрет на использование металлических денег, в том числе в качестве меры стоимости (для индексации цен), запрет на торговлю основными потребительскими товарами по рыночным ценам. Столь же стандартна реакция на эти меры экономических агентов, которые даже под угрозой смертной казни отказываются принимать подобные правила игры. Высокая инфляция приводит к постепенному исчерпанию эмиссионного источника наполнения бюджета. Эмиссия, вызванная ограниченностью или отсутствием других средств финансирования, прежде всего налогов, еще более подрывает налоговую базу – поэтому доля неинфляционных источников пополнения государственного бюджета по мере развития инфляционных процессов неуклонно снижается. Соответственно количество бумажных денег в обращении увеличивается нарастающим темпом, и все быстрее падает их стоимость.

Инфляционный механизм финансирования революции впервые был опробован в массовом масштабе во Франции 1790-х годов. Здесь неспособность собирать налоги привела к тому, что выпуск бумажных денег (ассигнатов) стал важнейшим источником финансирования нового режима. Сомнения некоторых политиков относительно опасности такого способа финансирования революции были отвергнуты с простым объяснением: то, что было бы опасно при тирании, будет благотворно при новой власти, существующей и действующей в интересах народа. Ассигнаты выпускались под обеспечение недвижимости – земельных ресурсов (церковных, затем королевских и конфискованных у аристократии), подлежавших распределению среди революционных масс. Первоначально ассигнаты рассматривались как свидетельства государственного долга и должны были использоваться для покупки недвижимости у государства. Однако по мере нарастания финансового кризиса революционные правительства все более активно использовали их в роли бумажных денег.

Инфляционное финансирование государственных расходов повлекло стандартную (но неизвестную еще в то время) цепочку экономических последствий. Увеличение предложения бумажных денег вызвало быстрый рост цен и вытеснение из обращения драгоцен-

²³ Пожалуй, первым на эту связь указал Э. Берк. Он резко критиковал выпуск французских ассигнатов как «вопиющее поругание собственности и свободы», отмечая прежде всего перераспределительную функцию ассигнатов: «Союз банкротства и тирании во все времена и у всех народов редко являл столь грубое надругательство над кредитом, собственностью и свободой, каким стало принудительное введение в обращение бумажных денег». В бумажных деньгах Берк видел источник будущих кризисов и невозможности успеха Французской революции, в отличие от Английской. (См.: Берк Э. Размышления о революции во Франции. Л.: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С. 205, 216, 239–245.)

²⁴ См., например: Фалькнер С. А. Бумажные деньги французской революции (1789–1797). М.: ВСНХ, 1919; Далин С. А. Инфляция в эпохи социальных революций; Aftalion F. The French Revolution: An Economic Interpretation.

ного металла. Правительство ответило на это введением принудительного курса, в результате чего торговцы стали отказываться принимать бумажные деньги вообще и требовали металлические. Тогда правительство приняло решение о государственном регулировании цен (установление «максимума») и запрете использования металлических денег, что должно было также поддержать курс ассигната. Нарушителям этих установлений грозила смертная казнь. В ответ с прилавков исчезли товары, города столкнулись с угрозой голода. Смертная казнь за припрятывание продуктов питания была подкреплена запретом на вывоз потребительских товаров и введением фактической государственной монополии на ввоз продовольствия. Однако и это не решало проблем, поскольку внутреннее производство продуктов под воздействием законов о «максимуме» катастрофически падало.

Понятно, что все эти жесткие меры не могли обеспечить реальную экономическую устойчивость не только по причине слабости государственной власти, неспособной проводить свои решения в жизнь. Эти решения противоречили естественным экономическим интересам и уже в силу этого ставили в двусмысленное положение буквально всех – от торговцев до правительства. В результате отнюдь не только лавочники шли на нарушение законов о принудительном курсе и «максимуме». Законодательный корпус, принимая решения об уровне своего жалования, также ориентировался на твердые (номинированные в металлических деньгах, то есть нелегальные) цены.

Аналогично развивались события и в России 1918–1920 годов. Если во Франции идеологическое оправдание разрушения финансовой системы было связано с тезисом о несправедливости налогов, то в большевистской России высокая инфляция рассматривалась многими как путь к достижению конечной цели – безденежному коммунистическому хозяйству. Все остальное было схоже с Францией: реквизиции продовольствия, госрегулирование распределения продуктов питания, преследование спекулянтов и... решающая их роль в снабжении городов²⁵.

Опыт революционных Франции и России достаточно убедительно показал, что попытки властей компенсировать свою слабость (и бедность) демонстрацией жесткости, принятием на себя дополнительных полномочий, особенно в экономической сфере, приводят в лучшем случае к курьезам, в худшем – к катастрофическим последствиям. Власть попадает в ловушку: усиление централизации принятия решений ведет к хаосу, а отказ от жесткого регулирования может быть воспринят как опасное проявление слабости. В результате возникает ситуация, ярко сформулированная одним из депутатов французского Конвента 1795 года: «Если уничтожить „максимум“, то все действительно резко подорожает; но если сохранить его, то покупать будет уже нечего»²⁶.

Несмотря на катастрофические экономические последствия подобного экономического курса, политические последствия его были вполне удовлетворительными – революционные режимы смогли окрепнуть, что со временем позволило отказаться от инфляционных методов финансирования. Однако для этого политический режим должен был стать достаточно сильным, чтобы иметь возможность отказаться от популистских решений, обеспечивающих решение сиюминутных проблем, проблем политического выживания нового режима и физического выживания его лидеров.

Перераспределение собственности является вторым из важнейших механизмов решения революционными властями социально-экономических и политических проблем. Сле-

²⁵ Это признавал в 1919 году даже В. И. Ленин. А В. А. Базаров, находившийся тогда в оппозиции, сделал парадоксальный на первый взгляд вывод, что именно мешочники и спекулянты являются подлинной социальной базой большевистского режима, поскольку именно в этих условиях дела их идут в гору (см.: Базаров В. Последний съезд большевиков и задачи «текущего момента» // Мысль. 1919. № 10. С. 356).

²⁶ Цит. по: Aftalion F. The French Revolution: An Economic Interpretation. P. 167.

дую заявлениям политиков или рассуждениям экономистов, исследователи, как правило, склонны видеть в перераспределении собственности способ повышения эффективности экономической системы, внедрения новых, более эффективных форм хозяйствования. Именно это декларируют революционные правительства безотносительно к тому, идет ли речь о приватизации (как это было в революциях XVII и XVIII веков и конца XX столетия) или национализации (в революциях начала XX века). Однако о реальном повышении эффективности нельзя говорить до решения задач политической стабилизации и выхода страны из революции. Пока же на передний план выходят две другие функции перераспределения собственности – укрепление политической базы (путем передачи собственности в руки поддерживающих власть политических и социальных групп) и получение дополнительных ресурсов в казну.

А для решения этих задач революционные правительства прошлого и настоящего использовали весьма схожий набор механизмов, и прежде всего выпуск ценных бумаг, обеспеченных перераспределяемой собственностью, которыми власти расплачивались по своим долгам. Результаты такого рода трансакций были также вполне понятны. В условиях политической неопределенности получатели подобного рода ценных бумаг отдавали «предпочтение ликвидности» и сбывали бумаги с большим дисконтом. В результате собственность концентрировалась в руках небольшого числа владельцев, которые к тому же получали ее по дешевке. Неудивительно, что среди новых приобретателей оказывались представители новой политической элиты.

Впервые в истории Нового времени эти механизмы были использованы в революционной Англии. Ограниченное в финансовых ресурсах и ищущее политической поддержки правительство Долгого парламента, а затем Кромвеля решило использовать в своих интересах земельные владения, принадлежавшие ирландским повстанцам, роялистам, церкви и короне. Частично это было сделано путем прямой продажи земель за деньги, отчасти (где это было невозможно немедленно) – путем выпуска ценных бумаг, дающих право на приобретение собственности в будущем.

Как показывают современные исследования, первый вариант стал откровенным способом покупки политических союзников и обслуживания интересов предпринимательских групп, обеспечивавших революционным властям финансовую и социальную базу. Первичными покупателями конфискованных земель стали финансировавшие правительство лондонские купцы, обеспечивавшее парламентскую армию силой местное дворянство, депутаты и чиновники парламента, генералы революционной армии²⁷. То есть продажа земель осуществлялась в интересах лондонской политической элиты, ее финансовых и политических союзников.

Аналогичные сюжеты возникали и при продаже ирландских земель. Правда, в процесс их перераспределения был встроен своеобразный стимулирующий механизм: под земли были выпущены ценные бумаги, которыми расплачивались с солдатами экспедиционного корпуса. Тем самым правительство укрепляло свои политические позиции, а у армии появился прямой стимул подавить ирландское восстание²⁸.

Особенностью французских событий конца XVIII столетия стало наличие более жестко выраженного конфликта между финансовыми и социальными целями распродажи земель. С одной стороны, острый финансовый кризис подталкивал к необходимости продавать земли как можно дороже. С другой стороны, необходимость обеспечения поддержки

²⁷ *Thirsk J.* The Sales of Royalist Land during the Interregnum // *The Economic History Review*. 1952. Vol. 5. No. 2. P. 188–207; *Архангельский С. И.* Продажа земельных владений сторонников короля // *Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук*. 1933. № 5. С. 363–389.

²⁸ *Bottigheimer K. S.* English Money and Irish Land. 'The Adventurers' in the Cromwellian Settlement of Ireland. Oxford: Clarendon Press, 1971. P. 119.

крестьянства толкала революционную власть на ускорение продаж и удешевление земли. Дискуссии на эту тему велись практически с самого начала революции. В начале, в условиях всеобщего энтузиазма и популярности нового режима, условия продажи недвижимости были сформулированы с акцентом на финансовые результаты – было решено продавать землю крупными участками с весьма ограниченным периодом рассрочки и при максимальной уплате «живыми деньгами». Однако обострение социальной борьбы, череда политических кризисов, начало войны и «открытие» правительством механизма инфляционного финансирования обусловили ослабление внимания к фискальной компоненте земельных продаж. На первый план вышли социально-политические проблемы: были приняты решения о поощрении приобретения земель мелкими собственниками, о резком увеличении периодов рассрочки (что с учетом инфляции делало распределение земли близким к бесплатному), об усилении роли ассигнатов в процессе передачи собственности от государства в частные руки.

Впрочем, как отмечают историки французской революции, и здесь аргументы социальной целесообразности естественным образом переплетались с личными интересами представителей революционной власти, и особенно депутатского корпуса.

Поместья и дома в провинции продавали за чеки («территориальные мандаты») по цене в десятки раз ниже их дореволюционной стоимости, причем за сделками нередко прослеживались интересы депутатов и чиновников!

Наконец, в условиях большевистской (да и мексиканской) революции именно социально-политический аспект трансформации собственности приобрел решающее значение. Национализация проводилась в целях выживания революционного режима – сперва для обеспечения поддержки со стороны миллионов крестьян, а затем в промышленности для концентрации сил и средств в гражданской войне. Достаточно известным является тот факт, что немедленная национализация не была программным требованием большевиков и не рассматривалась в качестве краткосрочной меры экономической политики еще накануне революции. Однако складывавшиеся обстоятельства политической борьбы подтолкнули на реализацию комплекса соответствующих мероприятий, которые к тому же соответствовали общим идеологическим настроениям эпохи вообще и коммунистической идеологии в частности.

Революционная трансформация собственности имеет ряд общих черт и последствий. Прежде всего реализация собственности всегда дает гораздо меньший фискальный эффект, чем от нее ожидают. И дело здесь не только в конфликте между фискальной и социальной функциями этого процесса, в результате чего стоимость сделки на радикальной фазе революции всегда приносится в жертву ее темпу, а фискальный результат – политическому. Проблема состоит и в том, что при оценке фискальных перспектив продажи недвижимости расчет всегда основывается на дореволюционной, то есть значительно более высокой, ее стоимости. В революционных же условиях эта цена оказывается значительно ниже.

Во-первых, дает о себе знать политическая неопределенность. Вероятность поражения революции сохраняется, и, следовательно, сохраняется вероятность пересмотра результатов сделок с недвижимостью. Соответственно возникает плата за риск, которая ложится на плечи государства.

Во-вторых, сам по себе факт массированных (и в этом смысле как бы навязываемых обществу) распродаж ведет к занижению цены. Потребность государства продать недвижимость определенным образом воздействует на потенциального покупателя, который оказывается в более выгодном по отношению к продавцу положении. Разумеется, удлинение сроков реализации госимущества, постепенность продаж могли бы дать в совокупности больший фискальный эффект, но для власти, решающей задачи своего выживания, реальный временной горизонт исключительно узок.

В-третьих, использование ценных бумаг под недвижимость само по себе ведет к занижению цены недвижимости. Испытывающее финансовые трудности государство не может удержаться от избыточной эмиссии этих бумаг, а получающие их граждане часто склонны к их быстрой реализации со значительным дисконтом (что совершенно естественно в условиях революционной политической неопределенности).

Все это обуславливает еще одну специфическую черту перераспределения собственности в условиях революции. Недвижимость не только дешево продается, но в значительной мере попадает в руки спекулянтов и используется в дальнейшем для перепродажи. Разница в ценах попадает, естественно, отнюдь не в руки государства.

Как свидетельствует опыт ряда революций, значительная часть недвижимости может оставаться в руках старой политической элиты, которая находит возможность откупиться от новой власти. Это особенно характерно для революций, в которых политическая компонента доминирует над социальной. Англия XVII столетия является в этом отношении наиболее типичным примером²⁹.

Какими бы острыми ни были политические дебаты, какими бы своеобразными ни были идеологические построения участников революционной борьбы, социально-экономический и политический облик выходящей из революции страны предопределяется в конечном счете именно тем, как в ходе революции решались ее финансовые проблемы и какие удавалось создавать социальные коалиции. От этого зависит характер послереволюционного развития страны, в том числе экономического. Ведь именно здесь складывается новая структура собственности, формируется новая конфигурация групп интересов, определяется положение государства по отношению к этим группам. А над этим надстраивается и соответствующий политический режим.

Демонетизация экономики является также неотъемлемой чертой революции, причем это феномен не только эмиссионного хозяйства. Политическая нестабильность революционного периода ведет к сокращению находящихся в обращении денег. В условиях металлического обращения деньги вымываются из экономики, тесаврируются (превращаются в сокровище) и сберегаются «до лучших времен». (Это становится еще одним результатом ослабления государства, его неспособности гарантировать исполнение контрактов и, следовательно, отсутствия достаточных гарантий для исполнения деньгами функции всеобщего эквивалента.) В условиях же бумажно-денежного обращения воспроизводится стандартный механизм ускоренного обесценения денег по мере повышения скорости их обращения.

Наконец, для многих революций характерен спад производства. Однако значение его становится существенным лишь в революциях XX века. Революции, происходившие в аграрных обществах с их примитивными технологиями в гораздо меньшей мере были подвержены спаду производства. А там, где происходил существенный спад (скажем, в мексиканской или российской революциях начала XX века), после политической стабилизации возникала задача восстановления разрушенного хозяйства.

Действительно, общество с доминированием примитивного аграрного хозяйства мало зависит от общей экономической конъюнктуры, от динамики спроса, от устойчивости технической базы производства. Городское хозяйство более чувствительно к политической нестабильности, и оно-то более всего и страдало от революционных потрясений XVII–XVIII

²⁹ *Arendt H.* On Revolution. L.: Penguin Books, 1990. P. 63–68; *Арендт Х.* О революции. М.: Европа, 2011. С. 95–101; *Thirsk J.* Sales of Royalist Land during the Interregnum // *Economic History Review*, 2nd series. 1952. Vol. V. No. 2. P. 207. Впрочем, как показывают современные исследования, масштабы перераспределения собственности от старой элиты к новой в годы Великой французской революции также не следует преувеличивать. (*Cobban A.* History of Modern France. Vol. 2. Baltimore: Penguin, 1957. P. 26; *Goldstone J. A.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkley: University of California Press, 1991. P. 296.)

веков – от нарушения хозяйственных связей в условиях гражданской войны, от изменения спроса на продукцию ремесленников. Однако оно занимало небольшую долю в национальной экономике и потому слабо влияло на общую ситуацию в стране³⁰.

Революции начала XX века происходили в более развитых экономиках. Гражданские войны приводили к значительному спаду производства, прежде всего промышленного, страдавшего от войн и разрыва хозяйственных связей. В разгар революции и гражданской войны спад производства в России и Мексике составлял по отдельным отраслям 50–80 %³¹. Однако при прекращении военных действий и консолидации политической власти происходило быстрое восстановление дореволюционного уровня производства, поскольку речь шла именно о восстановлении – введении в производство старых производственных мощностей, для чего требовались не столько инвестиции, сколько политическая стабильность и спрос³².

Завершение революции. Финансовый кризис, преследующий революцию на всем ее протяжении, на определенных этапах принимает формы острого бюджетного кризиса, который сопровождается новым витком ухудшения положения основных масс населения³³. Как правило, это происходит на завершающей фазе революции, когда идут процессы консолидации политического режима и появляются признаки общего экономического выздоровления. Это кажется парадоксальным: революционный кризис идет на спад, экономика стабилизируется, а бюджетные проблемы власти обостряются. Однако такое развитие событий является вполне объяснимым.

На протяжении большей части революционного процесса революционные правительства прибегают к экстраординарным мерам укрепления своего положения и нового режима, – к мерам, обеспечивающим решение краткосрочных политических задач, а потому неизбежно популистским и временным. По мере исчерпания революционного потенциала нации происходит постепенная консолидация правящей элиты, которая укрепляет свои позиции и получает более широкое поле для маневра. Постепенно консолидирующаяся власть находит в себе силы к принятию болезненных, непопулярных, но необходимых для финансово-экономического оздоровления мер.

По сути это означает возвращение к нормальной экономической политике без революционных эксцессов и чрезвычайщины. По форме это выражается в стремлении правительства жить по средствам и обеспечить устойчивость финансовой системы страны. В результате характерной чертой последней фазы революции является депрессивное состояние производства и недофинансирование отраслей бюджетной сферы. Причем чем активнее революционными правительствами использовались инфляционные механизмы финансирования, тем острее следующий за ним бюджетный кризис.

Можно сказать иначе. Позднереволюционное обострение экономических проблем вообще и бюджетного кризиса в частности связано со своеобразным положением консоли-

³⁰ James M. Social Problems and Policy During the Puritan Revolution 1640–1660. L.: George Routledge, 1930. P. 75.

³¹ The Cambridge History of Latin America. Vol. V. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 86; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917–1927. М.; Л.: ЦСУ СССР, 1928. С. 244–247.

³² В советской экономической литературе 1920-х годов были проанализированы «закономерности послевоенного становления народного хозяйства». (См.: Громан В. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1, 2; Базаров В. О «восстановительных процессах» вообще и об «эмиссионных возможностях» в частности // Экономическое обозрение. 1925. № 1.) Было показано, как и почему более разрушенные отрасли восстанавливаются более быстрым темпом и как к концу определенного периода в народном хозяйстве восстанавливается дореволюционное равновесие.

³³ К. Бринтон следующим образом характеризовал завершающую фазу революции: «Одной из наиболее характерных черт этого периода, наблюдаемых не только во Франции и в России, но в известной мере и в Англии 1650-х годов, и в Америке при создании Федерации, является распространение экономических тягот, особенно выпадавших на долю беднейших слоев населения, причем зачастую худших, чем в годы террора и последних лет старого режима» (Brinton C. The Anatomy of Revolution. P. 212).

дирующей элиты и восстанавливающей свои силы политической власти. Власть уже оказывается достаточно сильной, чтобы не заигрывать с различными социальными силами и не идти на экстравагантные популистские меры. Но она (власть) еще достаточно слаба и бедна, чтобы решить весь комплекс стоящих перед ней задач.

Депрессия в Англии середины 1650-х годов во многом стала фактором, который привел страну к реставрации. Однако ограниченность инфляционных источников финансирования, с одной стороны, и относительная неразвитость бюджетной сферы – с другой, способствовали относительной мягкости бюджетного кризиса времен Протектората. Основной проблемой для правительства была вышедшая из революции армия, необходимость финансирования которой во многом и предопределила склонность Кромвеля к ведению войн на континенте.

Преодоление революционных последствий во Франции было гораздо более болезненным с макроэкономической точки зрения. Одним из первых шагов, сделанных с началом укрепления политической власти, стало оздоровление государственных финансов путем волевого отказа от значительной части (двух третей) внутреннего долга. Спад революционной волны сделал такое решение возможным, а обострение экономического кризиса – необходимым. За этим последовало дальнейшее ужесточение бюджетной политики в период Консулата. Хотя многие финансовые проблемы удавалось решать с помощью победоносных войн, бюджетная сфера на провинциальном уровне долгие годы продолжала пребывать в глубоком кризисе.

Схожей была ситуация и в России 1920-х годов. Послевоенная экономика требовала отказа от популизма, обеспечения финансовой стабильности, что и дал поначалу нэп. Однако нэпа было недостаточно для решения задач политического укрепления новой власти, требовавшего безудержной индустриальной экспансии. В результате экономико-политические трудности, с которыми столкнулась страна в 1926–1927 годах, обусловили резкий слом политического курса, поворот к ускоренной индустриализации за счет ресурсов деревни.

Нормализация экономических процессов и выход страны из революции происходят только при стабилизации государственной власти и по мере ее укрепления. Государство должно быть сильным настолько, чтобы преодолеть характерное для предреволюционного и революционного этапа глубокое расхождение интересов отдельных социальных слоев и групп. Это происходит лишь тогда, когда из революционного хаоса вырастает и укрепляется новая элита, способная стать опорой режима. Лишь тогда условия для завершения революции оказываются сформированными. И происходит оно обычно в форме установления жесткого авторитарного постреволюционного режима.

Укрепление власти, в свою очередь, предполагает формирование и упрочение позиций новой элиты. Эта элита, как правило, является генетически связанной со старой, нередко выходит из нее, но ее экономические и политические характеристики являются уже существенно иными, как и характер собственности, которой она обладает.

* * *

Подводя итоги сказанному, можно определить ряд общих экономических проблем, с которыми приходится сталкиваться в ходе любой революции. К ним относятся финансовая стабильность страны, бюджетный и налоговый кризис, трансформация отношений собственности, а также депрессия и (или) спад производства. Однако соотношение этих проблем, их роль в различных революциях далеко неодинаковы. Финансовый кризис может предшествовать революции, но может существовать до нее в скрытых формах, в полной мере разворачиваясь лишь по мере развития революции. Бюджетный кризис и трансформация отношений собственности являются обязательными компонентами революционного

процесса, приобретающими, как правило, особую остроту и актуальность на радикальном и пострадикальном ее этапах. Наконец, спад производства существенно различается при анализе ранних революций и революций XX века.

В этой связи необходимо сделать несколько уточнений, которые исключали бы слишком жесткую трактовку обозначенных выше экономических проблем революции.

Прежде всего, перечисленные характеристики присущи, разумеется, не только революциям. Все они могут возникать при различных обстоятельствах, и само по себе их наличие не свидетельствует о наличии революционного экономического кризиса.

Рассмотренными здесь проблемами не исчерпываются экономические проблемы революции. Проанализированы лишь наиболее типичные и, можно сказать, универсальные, то есть проявлявшиеся во всех полномасштабных революциях.

Наконец, общей характеристикой рассмотренных проблем, как и вообще революционного экономического кризиса, является их причинно-следственная связь с феноменом слабого государства. Именно поэтому названные сюжеты характерны для революций, как и для других ситуаций, когда государство оказывается заметно ослабленным. Наиболее же явным признаком экономико-политической слабости государства является его неспособность собрать налоги. Это находит непосредственное проявление как в выполнении (точнее, невыполнении) государством своих социальных функций, так и в способности проводить экономический курс, необходимый для обеспечения стабильного развития общества.

Раздел II

Из истории пролетарской революции в России

Глава 4

На полпути к советской модели: вызревание советских экономических институтов в предреволюционное десятилетие

КАК было отмечено в начальных заметках (тезисах) этой книги, революция не знаменует собой жесткого разрыва с институтами прошлого. Многие экономические формы постреволюционного общества вызревают уже при старом режиме. Это хорошо видно при анализе экономической политики и экономических дискуссий в России на протяжении предреволюционного десятилетия. В особой мере это относится к опытам экономического регулирования в условиях Первой мировой войны и экспериментам Временного правительства, из которых непосредственно вытекала идеология и практика «военного коммунизма» 1918–1920 годов.

Государство всегда играло значительную роль в хозяйственной жизни России – как через административно-правовое регулирование производства и обмена, так и благодаря собственной предпринимательской деятельности. Развитие экономических процессов на рубеже XIX–XX веков и особенно в обстановке Первой мировой войны резко усилило потребность в координирующей и направляющей деятельности власти в хозяйственной сфере. Причем государственная бюрократия пошла по самому естественному и понятному для себя пути – по пути усиления собственных позиций через централизацию функций управления народным хозяйством в специальных правительственных органах. Последние брали в свои руки снабжение предприятий производственными ресурсами и их нормирование, установление специальных правил перевозки грузов, регулирование цен и т. п. По мере ухудшения экономической ситуации роль административных рычагов неуклонно усиливалась, вмешательство государства в хозяйственную жизнь отдельных производственных единиц активизировалось. Власти уже в 1915–1916 годах в соответствии с бюрократическими стереотипами экономического мышления старались сосредоточить у себя снабженческо-распределительные функции – как наиболее простой, грубый, но и самый очевидный инструмент воздействия на непосредственных производителей.

Тогда попытки государственного регулирования особенно продвинулись в сельском хозяйстве. Стремясь обеспечить снабжение армии и промышленных центров хлебом и не допустить при этом роста дороговизны, правительство прибегло к таким мерам, как установление твердых цен на хлеб (при их региональной дифференциации), обязательные планы разверстки и угроза реквизиций за нарушение правил сдачи сельскохозяйственных продуктов. Одновременно местные органы власти, решая продовольственную проблему, запрещали вывоз аграрной продукции за пределы своих губерний. Все это в совокупности с непропорциональным ростом цен на промышленные товары существенно подорвало стимулы деревни к производству товарной продукции, а расстройство железнодорожного транспорта довершило начатое дело – зимой 1916/1917 года в городах остро ощущалась нехватка продовольствия.

Аналогично обстояли дела и в промышленности. Государственная власть все настойчивее пыталась вмешиваться в работу предприятий, понуждая предпринимателей действо-

вать вопреки их экономическим интересам, что лишь усиливало общий хаос. Данная ситуация была ярко охарактеризована председателем IV Государственной думы М. В. Родзянко в записке, переданной императору незадолго до Февральской революции. В ней, в частности, приводится такой пример: «Вместо того чтобы принять самые решительные меры для обеспечения себя углем надлежащего качества, для чего потребовалось заключить соответствующие контракты с углепромышленниками или создать особый регулирующий орган, министерство путей сообщения начиная с 1915 года предпочитает получать уголь путем реквизиций. Это ставит железные дороги в весьма рискованное положение, мешая им как приобрести уголь хорошего качества, так и сделать надлежащие запасы на складах. Так как при реквизиции личная ответственность владельцев рудников за качество угля совершенно исчезает, было вполне естественно стремление некоторых из них сбыть железным дорогам всякий хлам»³⁴.

Естественно, что в такой ситуации речь все чаще заходила о введении государственной монополии на хлеб, уголь, нефть, сахар, хлопок и т. д., то есть исключительного права государства закупать те или иные продукты у производителей и реализовывать их потребителям³⁵. Особенно активно за политику подобного рода выступали деятели, находившиеся на левом фланге политической жизни страны. Однако в отличие от «государственников» из правительственного лагеря левые (и прежде всего – марксисты) связывали необходимость соответствующих изменений в системе хозяйствования не только с войной, но, в первую очередь, с характером современных тому времени производительных сил.

В начале века кризис классического капитализма был очевиден³⁶. Ускоренная концентрация производства и рост частномонополистического капитала сопровождались ослаблением конкурентного механизма, что лишало буржуазный строй имманентного ему источника прогресса. И левые полагали, что именно государственное регулирование должно будет прийти на смену конкуренции. Они рассчитывали на то, что демократические силы смогут встать у руля государственного управления и обеспечить замену «стихийной борьбы частных интересов и стремления капитала к извлечению прибыли» на «планомерное направление производительной деятельности – со стороны общества или государства». При этом предполагалось так или иначе опираться на уже созданные войной формы хозяйственного управления.

В качестве же первоочередных шагов к урегулированию хозяйственной жизни предлагалось сосредоточить усилия на выработке единых общеимперских планов, способных охватить все движение продукта от производителя к потребителю. Это, в свою очередь, связывалось с осуществлением мер типа принудительного синдицирования предприятий, введения разрешительной системы перевозки всех грузов, государственного ценообразования. Ключевым моментом здесь выступал транспорт как техническое условие планомерного распределения продукции по территории страны. А именно в контроле за распределением многие экономисты видели краеугольный камень искомой плановой системы.

Победа Февральской революции резко динамизировала социально-экономические и политические процессы в стране. И, пожалуй, главное, на чем сосредоточилось внимание новой власти, было повышение эффективности государственного вмешательства в народное хозяйство. В системе экономико-политических ценностей на первое место выдвинулось понимание государства как субъекта, способного разрешать трудности, которые обуславливались войной и участвовавшими перебоями в функционировании капиталистического вос-

³⁴ Цит. по: Экономическое положение России перед революцией // Красный архив. 1925. № 3. С. 77–78.

³⁵ Однако многие экономисты, в том числе верившие в эффективность подобных мер, подчеркивали, что они могут быть осуществлены лишь правительством, пользующимся доверием народа.

³⁶ Правда, неготовность страны, да и всего мира к победе социализма тогда признавалась практически всеми.

производственного механизма, опирающегося на частные интересы и конкуренцию. «...Вся задача целиком, очевидно, далеко выходит за пределы того, что может дать частный почин, интересы которого очень часто не сходятся с интересами целого. Только государство, и при том государство, обслуживающее не интересы кучки привилегированных, а действующее в интересах всего народа, может вывести страну из хаоса и развала», – писал тогда Н. М. Ясный³⁷, впоследствии ставший известным американским экономистом-советологом.

Экономисты и хозяйственные деятели, включая ряд крупнейших предпринимателей, сходились в признании необходимости придания новому правительству широких полномочий для осуществления этих функций. Раздавались призывы к централизации значительной части прибыли, к разработке целостного государственного плана, который помог бы остановить распад национального хозяйства и обрисовать достаточно ясную перспективу подъема. Последнее подчеркивалось особо, причем всеми – от социалистов до монархистов (если отвлечься, разумеется, от наиболее радикальных представителей тех и других, одинаково отрицавших установившийся после революции режим). Плана требовали марксисты, поскольку это соответствовало их доктринальным установкам. За план выступали и предприниматели, надеясь благодаря ему стабилизировать хозяйственную ситуацию.

Увлеченность идеей планирования была распространена не просто широко, но подчас принимала самые неожиданные формы. Приход к власти «верных слуг народа» в лице Временного правительства (которое действительно включало в себя видных представителей имущих классов и интеллигенции России), всеобщий энтузиазм и единство самых разнородных сил, обеспечившее падение самодержавия в считанные дни, – все это создавало иллюзии быстрого хозяйственного урегулирования, легкого восхождения на экономические вершины, недоступные прежнему режиму. Дело доходило до курьезных случаев своеобразного «планового фанатизма». Например, В. Г. Громан, будучи ответственным за распределение потребительских товаров среди жителей Петрограда, заявлял, что он не распределит ни единой пары ботинок, пока все хозяйство не будет регулироваться по плану. Это, конечно, была крайность, но она весьма ярко выражала настроения в среде многих влиятельных экономистов.

Политика Временного правительства прошла несколько стадий, радикализуясь по мере развития политической ситуации и некоторого полевения его состава. Впрочем, принципиальные идеи планового регулирования так или иначе сохранялись на протяжении всех месяцев существования этой власти, отражаясь как в ее официальных актах, так и в выступлениях видных общественных деятелей.

Нетрудно догадаться, что именно с продовольственной проблемы начало Временное правительство свою деятельность по упорядочению хозяйственной жизни. Здесь переплелись основные линии и противоречия российской экономики. И, по сути дела, новая власть пошла по тому же пути, на который пытались, но так окончательно и не решились встать ее предшественники: 25 марта было принято решение о введении хлебной монополии, согласно которому все зерно, сверх необходимого для потребления, посевов и корма скота, должно было отчуждаться по твердым ценам в общегосударственный фонд для дальнейшего перераспределения. Предполагалось учитывать все конкретные условия деятельности данного производителя – при помощи каких орудий он сеет (ведь при использовании более прогрессивных машин требуется меньше зерна для засева), какой скот содержит, сколько работников (ведь их надо кормить) и на какой срок нанимает.

Понятно, что практическая реализация таких намерений была неотделима от формирования мощного административного механизма, обеспечивающего тотальный учет и рациональное движение хлеба по всей стране в соответствии с единым планом. Укреплялась сеть

³⁷ Продовольственный кризис и хлебная монополия. Пг., 1917. С. 12–13.

продовольственных органов, которые были уполномочены от имени государства и как бы в его интересах решать многочисленные конкретные вопросы отчуждения и перераспределения зерна, доходя до каждого крестьянского двора. Предполагалось, что справедливое решение неизбежно возникающих в столь деликатном деле проблем будет обеспечено формированием аппарата из людей, «которые понимают дело и о которых известно, что это люди честные и положительные» (так говорилось в одной брошюре, изданной для разъяснения и популяризации в крестьянской среде политики хлебной монополии).

Справедливые продовольственные комитеты и честные хлебозаготовители – с этим, пожалуй, в основном и связывались надежды на эффективность создаваемого механизма. Единственный стимул, который тут предусматривался (или точнее замышлялся), состоял в стремлении распространить указанный механизм на все народное хозяйство. Пропагандисты государственной монополии настойчиво убеждали крестьян в выгодности для них вводимого порядка, поскольку твердые цены на хлеб непременно будут дополнены твердыми ценами на необходимые деревне промышленные изделия. И действительно в стране предпринимались попытки централизованного учета всего наличного сахара, кожи, железа, керосина, бумаги и других товаров. Но воплощены в жизнь данные намерения не были. На практике дело ограничилось введением в августе еще одной государственной монополии – на уголь.

В ходе постоянного обсуждения проблем государственного руководства хозяйственной жизнью в кругах правительственных и околоправительственных экономистов выдвигались и иные предложения по усилению централизованного управления экономикой. И само правительство склонялось к принятию ряда довольно решительных мер, хотя так и не смогло реализовать большинство выдвигавшихся его членами предложений. Оно не имело прочной социальной базы, постоянно наталкивалось на резкое противодействие мощных политических группировок слева и справа и поэтому не было способно выработать последовательную экономическую политику и тем более следовать ей. Кроме того, выдвигавшиеся его членами предложения нередко несли на себе явный отпечаток политических импровизаций (что вообще очень свойственно революционной эпохе), оказывались результатом переплетения самых различных факторов, в частности идеологических симпатий министров, необходимости «реагировать» на текущую конъюнктуру событий. Словом, сама работа по формированию системы планового регулирования была далека от плановой, что также не могло не сказаться на ее эффективности.

Типичным примером в этом отношении может служить радикальное и для многих неожиданное предложение министра труда меньшевика М. И. Скобелева о введении такой прогрессии налогообложения, которая позволяла бы государству изымать в бюджет всю предпринимательскую прибыль. Предложение было отвергнуто, но сам факт его появления знаменателен. Он наглядно характеризует, если и не господствовавшие, то имевшие широкое хождение представления о путях усиления регулирующей роли государства.

Уже к середине 1917 года решение задачи «строгого, серьезного и определенного регулирования всех сторон финансово-экономической жизни государства» Временное правительство вполне определенно увязывало «с подчинением всех частных классовых и групповых интересов, каковы бы они ни были, кем бы они ни диктовались, интересам государства» (слова министра-председателя А. Ф. Керенского). Для этого при правительстве был создан Экономический совет. На него возлагались две взаимосвязанные задачи: во-первых, выработка плана и постепенное регулирование жизни страны в общегосударственных интересах; во-вторых, осуществление экспертизы всех разрабатываемых хозяйственных мероприятий для обеспечения целостности проводимой экономической политики.

О значении, которое придавалось деятельности названного органа, свидетельствует председательствование в нем одного из ведущих деятелей Кабинета – министра торговли и

промышленности С. Н. Прокоповича (формальным главой Совета был премьер). Экономический совет был призван объединить представителей различных «демократических», как их тогда называли, политических сил, включая большевиков. В его работе участвовали многие видные экономисты и хозяйственные деятели (П. И. Пальчинский, Н. Н. Кутлер, Н. Д. Кондратьев, П. Б. Струве, С. А. Лозовский, В. А. Базаров, В. Г. Громан, П. П. Маслов, Л. Б. Кафенгауз, Д. Б. Рязанов, Г. В. Цыперович и другие).

Как же представлял себе Экономический совет укрепление плановых начал в народном хозяйстве и обеспечение приоритета общегосударственных интересов? Ответ тем более интересен, что Совет был связан с правительством и одновременно мог стать своеобразным зеркалом, отражающим понимание этих ключевых проблем многими, если не большинством экономистов. Однако данный ответ неоригинален: речь шла о целесообразности широкомасштабного вмешательства власти в хозяйственный процесс при помощи прямых, административных методов воздействия на отдельные производственные единицы и целые отрасли. Тщательному учету должны были подвергнуться как производимая продукция, так и запасы ее на складах (включая потенциал железнодорожного транспорта), чтобы максимально задействовать ресурсы, вовлечь их в орбиты государственного перераспределения.

Прежде всего, предлагалось, опосредуя государственными органами взаимосвязь производства и потребления, так организовать движение товарных масс, чтобы обеспечить совершенное обезличивание продуктов (обезличивание, как по производителям, так и по потребителям) и принятие в руки одного органа (или одного распорядителя, кем бы он ни был) всей производимой товарной массы. Это – важнейший пункт логики формирующейся системы³⁸. Акцент делался на необходимости принудительного распределения продукции – «не по желанию потребителей, а по тому, как представится наиболее рациональным...» Вывод же о рациональности должны делать, разумеется, государственные органы. Сюда же естественно примыкают неизбежность принудительных заказов и, конечно же, право на секвестр отдельных предприятий (право, «которое тесно связано с регулированием экономической жизни страны»).

Использование принуждения тогда мыслилось в довольно широких масштабах, хотя и связывалось большинством экономистов с обстановкой военного времени и сложностями хозяйственного положения страны. Данный принцип в организации производства предполагалось распространить не только на промышленность, но и на сельское хозяйство. Так, высказывалась мысль о разработке специального перспективного плана сельского хозяйства, который исходил бы из принудительного перераспределения производительных сил (земли, техники, труда), чтобы дать возможность наиболее полно использовать их для роста продукции.

Принуждение должно было проявляться в государственном регулировании цен, заработной платы и нормировании потребления. Участники заседаний Экономического совета со всей определенностью ставили вопрос и о введении трудовой повинности, что сделало бы обсуждавшуюся систему государственного регулирования вполне целостной, охватывающей все производственные факторы адекватными друг другу инструментами воздействия.

Авторы подобных предложений рассчитывали не только добиться таким путем четкости и слаженности работы предприятий в рамках единого народнохозяйственного организма, но и довести до логического конца процесс, якобы начатый уже монополистическим капитализмом – *уничтожить* посредством деятельности правительственных и общественных организаций *конкуренцию и параллелизм* в работе, создающие «колоссальные трения,

³⁸ Его позднее, в 1918–1920 годы, попытаются реализовать в форме Комиссии использования – межведомственного органа по планированию и использованию всех материальных ресурсов страны. Она была образована при ВСНХ во главе с Л. Н. Крицманом и стала одним из ярких символов эпохи «военного коммунизма». (См. подробнее: Мау В. А. Реформы и догмы: Государство и экономика в эпоху реформ и революций. 1981–1929. 3-е изд. М.: Дело, 2013. С. 228–245.)

которые... уменьшают намного коэффициент использования полезного действия наших предприятий».

Особое место в этой системе централизованного руководства отводилось Экономическому комитету, венчающему сеть государственных планово-снабженческо-распределительных органов. Именно на него возлагалась практическая реализация задачи урегулирования экономической жизни страны. Другие органы могли разрабатывать планы и программы, определять стратегические установки хозяйственной политики, но все они замыкались бы на деятельности названного комитета, который становился держателем основных материальных ресурсов России. Он, в соответствии с проектом положения о данном органе, должен был, руководствуясь общими указаниями Экономического совета, рассматривать и утверждать все планы массовых заготовлений, согласуя спрос с возможностью его удовлетворения. К его ведению относили также утверждение цен (твердых и предельных) на важнейшие виды сырья и готовой продукции, регулирование заработной платы путем установления ее норм в ведущих отраслях, распределение заказов по районам и отраслям.

При Экономическом комитете создавалось Экономическое совещание с функциями «центрального комитета снабжения», в чем многие видели самую сердцевину плановой работы. Предлагалось, чтобы в него входили председатели всех специальных органов снабжения и военных комитетов снабжения, а также представители общественных организаций. Здесь должен вырабатываться «как план потребностей, так и план их удовлетворения». Н. Н. Саввин, товарищ министра торговли и промышленности и один из основных авторов правительственной концепции регулирования экономики, говорил тогда, что разрабатываемые этими органами документы и являются «большими экономическими планами», которые «будут точны и детальны», а тем самым удастся реализовать и настойчивые требования членов Экономического совета – сделать «планы окончательного распределения» более конкретизированными.

Непосредственным урегулированием производства и распределения должна была заниматься целая сеть районных экономических комитетов и предметных (по отдельным группам продуктов) комиссий, возглавляемых уполномоченными или особоуполномоченными центрального Экономического комитета. На предметные комиссии, в частности, возлагались задачи определения потребного к удовлетворению количества продукции, необходимой для этого переброски рабочих рук из одного района в другой, а также фиксирования цен. Районные же комитеты должны были информировать центр о нуждах и производственных возможностях своих регионов, а затем на основе его общих установок по объему и номенклатуре продукции детализировать задания по предприятиям и предписывать соответствующим учреждениям заключать контракты по определенным ценам исходя из «спущенных» директив.

Внерыночное согласование интересов производителей и потребителей получало здесь свое институциональное оформление. Правда, сознавая неизбежность возникновения острых противоречий между ними и опасность в обстановке нарастающего товарного дефицита принятия окончательных решений отнюдь не в пользу потребителей, авторы правительственной концепции посчитали нужным заранее зафиксировать пути преодоления подобных трудностей: «При согласовании спроса с возможностями его удовлетворения в коллегиальных органах должны преобладать интересы потребителей; при определении цен, распределении заготовок по районам и распределении заказов должно быть равное представительство интересов производителей и потребителей и при определении норм поставок – преобладание производителей».

Наконец, на органы государственного регулирования возлагались функции контроля за тем, чтобы плановые задания выполнялись наиболее эффективным путем, а все технические средства использовались рационально. Иных механизмов, побуждающих к эффектив-

ному хозяйствованию, по-видимому, уже не оставалось, и вопросы эти фактически оказывались тогда вне сферы специального внимания большинства связанных с правительством экономистов.

С программой еще более глубоких преобразований по пути усиления государственного вмешательства в экономическую жизнь выступали левые социалисты. В принудительном синдицировании, государственном установлении цен и заработной платы, в широком контроле за качеством товаров и условиями их производства и, наконец, за распределением (вплоть до отказа от свободы торговли) видели они шаги, подводящие общество непосредственно к социализму.

С аналогичных, в общем-то, позиций выступали тогда и большевики. Однако была одна принципиальная черта, решительно выделявшая большевистскую концепцию формирования системы планового хозяйствования и имевшая, как оказалось, далеко идущие последствия. *Плановое руководство и государственная власть* – так можно коротко обозначить существо проблемы, которую остро поставил В. И. Ленин в 1917 году. Еще за пятнадцать лет до того в дискуссии вокруг проекта партийной программы он обращал внимание, что планомерность хозяйственной системы важна для социалиста не сама по себе, но лишь в том случае, когда она осуществляется за счет и в интересах всего общества³⁹. Этот действительно важный момент оказался теперь трансформированным в тезис, согласно которому государственное планирование и регулирование будут целесообразны только после прихода к власти пролетариата, а проще говоря – самой большевистской партии.

В полемике между большевиками и другими социалистическими партиями летом – осенью 1917 года обсуждался, хотя и не всегда в явном виде, чрезвычайно важный вопрос: каковы возможности и роль государства в осуществлении социально-экономического развития на плановой основе? Основная масса социалистов исходила из того, что в демократическом обществе государство сможет обеспечить определенную взаимоувязку интересов и тем самым общественный прогресс. Хотя и оставалось неясным, почему и при каких условиях оно будет заниматься решением этих задач.

Большевики же акцентировали внимание на классовой природе государства. Для них оно было не более (но и не менее!), чем машиной насилия одного класса над другим⁴⁰, машиной, выполняющей волю господствующего класса и фактически не способной ни играть особой роли в общественной жизни, ни продуцировать свои собственные интересы. Таким образом, государство уподоблялось автомобилю, направление движения которого зависит лишь от воли его хозяина-водителя. В подобной логике скрывалась серьезная опасность. Недооценивалось, что государство в социально-экономической жизни общества может играть не только пассивную роль, выражая волю правящего класса, но при определенных условиях и подминать под себя этот класс, подчинять его интересы интересам быстрорастущего бюрократического аппарата, навязывая их всему обществу.

Представления о необходимости активного вмешательства власти в хозяйственную жизнь, а точнее об административно-принудительном руководстве ею, хотя и получили широкое распространение в экономических и политических кругах революционной России, не остались без критического анализа со стороны современников. Были экономисты и общественные деятели, которые настойчиво предостерегали против чересчур примитивных аналогий между управлением отдельной монополистической фирмой (пусть даже гигантской) и народным хозяйством. Они считали недостаточными продуманными и очень опасными предпринимавшиеся, а еще более провозглашавшиеся меры тотального огосударствления хозяйства под флагом борьбы с хаосом и разрухой. Тем более что речь шла о стране с сильными

³⁹ См.: Ленин В. И. Замечания на второй проект программы Плеханова // Ленин В. И. ПСС. Т. 6. 1963. С. 232.

⁴⁰ См.: Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В. И. ПСС. Т. 34. 1969. С. 318.

традициями государственного бюрократизма, дополненными в новых условиях милитаристскими амбициями и соответствующими организационными структурами военного времени.

Тех, кто выступал тогда в России с критикой идеологии «государственно-планового хозяйствования», воспринимали нередко как реакционеров, защищающих узкоклассовые интересы буржуазии и противящихся очевидным тенденциям общественного прогресса. Их не очень-то желали слушать, хотя выдвигавшиеся ими аргументы были довольно убедительны и уж во всяком случае прозорливы. Они говорили, в общем-то, о вполне очевидных вещах, в частности о том, что чрезмерное налогообложение подрывает не только стимулы к росту производства, но и осложняет денежное обращение в стране, и без того дестабилизированное за годы войны.

Они указывали и на то, что государственное перераспределение большой массы ресурсов может лишь усилить хаос как в силу ограниченности технических возможностей подобной деятельности, так и из-за значительного роста бюрократических тенденций в хозяйственной жизни. Особой же критике подвергались попытки урегулирования экономического процесса посредством учреждения госмонополий. Ключевой тезис – несовместимость государственных монополий (и в первую очередь – хлебной) с демократическим устройством политического режима, к торжеству которого, казалось бы, стремились все силы, поддерживавшие Февральскую революцию. Цели планового урегулирования экономики, доказывали некоторые авторы, не могут быть достигнуты через насилие над интересами хозяйствующих субъектов, и центральной власти при проведении своего курса надо опираться на данные интересы, а не действовать вопреки им. Иной подход, по их мнению, мог привести к эскалации насилия и экономическим потерям.

Пожалуй, один из интереснейших документов 1917 года с изложением подобной позиции – доклад в Вольном экономическом обществе И. Сигова под характерным названием «Аракчеевский социализм». Автор утверждал, что, встав на путь административного давления в хозяйственной жизни, новая власть может зайти гораздо дальше в насилии над крестьянством, чем это позволял себе царизм. Такова будет неумолимая логика событий. «...При старом режиме, когда царское правительство не стеснялось мерами принуждения и насилия, обязательная разверстка хлеба... провалилась с треском. Дальше старому правительству оставалось только одно: производить в деревнях повальные обыски и повсюду отбирать хлеб силой, не останавливаясь ни перед чем. Но на такую прямолинейность едва ли решилось бы даже и царское правительство». Иное дело – народная власть, которая, имея кредит доверия, может позволить себе в интересах этого народа пойти на меры чрезвычайные, объяснимые в категориях борьбы за власть, но экономически совершенно алогичные.

Рассуждения и выводы И. Сигова имеют более серьезное значение и не ограничиваются лишь рамками критики хлебной монополии и предостережениями относительно ее последствий. Главное, что он указывал на принципиальную опасность решения задач планового регулирования в той административной логике, к которой все активнее прибегала государственная власть. И. Сигов фактически ставил вопрос о противоестественности той системы хозяйствования, контуры которой все отчетливее проступали на протяжении 1917 года, прибегая для этого к ставшему уже в наше время весьма популярным сравнению функционирования экономического механизма и человеческого организма: «[Государственная] монополия сопряжена с переустройством всей жизни, она обрекает всю страну на длительную, трудную и опасную молекулярную работу... Происходит нечто похожее на перенесение функций спинного мозга на головной, на превращение рефлексов в сознательные, осмысленные, заранее на каждый случай спроектированные движения. Представьте же себе,

что было бы, если бы мы были обречены проектировать каждое движение прежде, чем его совершать»⁴¹.

Призывы к осторожности при оценке тенденций и хозяйственных форм, актуализировавшихся в обстановке мировой войны, раздавались и из лагеря социалистов. Правда, здесь подобные идеи были очень редки, если не сказать единичны. Наиболее глубокий подход к анализу складывающейся ситуации с точки зрения глобальных перспектив социально-экономического прогресса дал тогда А. А. Богданов – крупнейший марксистский мыслитель и один из немногих большевиков-неленинцев в истории нашей страны.

А. А. Богданов решительно возражал против утопичного, по его словам, представления о возможности перехода в ближайшее время если не к социализму, то хотя бы к переустройству общества на плановых началах, одностипных планомерности будущего социалистического хозяйства. Для него задача планомерной организации стояла не просто как организационно-техническая или технико-экономическая (не «как устройство личной семьи, предприятия, политической партии, – только, разумеется, много крупнее по масштабу»), а прежде всего как проблема культурно-историческая, связанная с формированием в рабочей среде нового, коллективистского мировоззрения. Он настойчиво подчеркивал ошибочность выводов о том, что хозяйственные системы воюющих капиталистических государств уже несут в себе зачатки будущей социалистической планомерности, создают для нее необходимые (или даже «все») материальные предпосылки.

Государственный контроль над производством, сбытом и даже потреблением, достигаемый принудительным синдицированием и трудовой повинностью, оценивался лишь как путь к хозяйству осажденной крепости, исходным пунктом которой и является «военный потребительный коммунизм» (кстати, термин А. А. Богданова). Эта система качественно отличается от подлинной планомерности тем, что, во-первых, ориентирована на «прогрессивное разрушение общественного хозяйства» и изначально не предполагает решения созидательных задач. А во-вторых, механизм ее функционирования основан на нормировке (ограничении), осуществляемой авторитарно-принудительным путем, тогда как «все *положительное*, все инициативное и творческое содержание организующего процесса лежит вне этого понятия».

Оценивая тот тип централизованного государственного хозяйствования, признаки которого в 1917 году уже ясно проступали в российской действительности и который многие левые трактовали как осуществление социалистической тенденции, как зарождение элементов плановой экономики будущего, А. А. Богданов не без сарказма писал: «...Эта система „непредусмотренная“ и „ублюдочная“; но... родители этого ублюдка – не совсем те, которым его подкидывают. Один из родителей – капитализм, – правда, не подлежит сомнению; но другой – вовсе не социализм, а весьма мрачный его прообраз, военный потребительный коммунизм. Разница немалая. Социализм есть, *прежде всего*, новый тип *сотрудничества* – товарищеская организация производства; военный коммунизм есть *прежде всего особая форма общественного потребления* – авторитарно-регулируемая организация массового паразитизма и истребления. Смешивать не следует»⁴².

С радужными надеждами и суровыми предостережениями вступала экономика России в новый этап своего существования. Начиналась следующая фаза революционного процесса. К власти пришли большевики.

⁴¹ Сигов И. Аракчеевский социализм. Доклад о хлебной монополии, заслушанный Вольным экономическим обществом 25 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 13–14.

⁴² Богданов А. А. Вопросы социализма. М., 1918. С. 87.

Глава 5

Великая российская революция и ее «самотермидоризация»

НОВАЯ экономическая политика (нэп), провозглашенная В. И. Лениным весной 1921 года, стала одной из фаз на сложном пути развития российской революции. Рассмотрение нэпа как фазы революционной трансформации представляется наиболее продуктивным для выяснения его роли в политической и экономической истории России. Напомним, каковы эти фазы применительно к российской революции.

Начальный, «розовый» период революции характеризуется объединением самых разнородных социальных сил, недовольных существующим режимом, что приводит к относительно быстрому и для многих неожиданно легкому падению последнего. Этот период, эта легкость уже несут в себе многие сложности и противоречия будущих этапов, порождая труднопреодолимые иллюзии, которые со временем становятся чрезвычайно опасными. Объединение сил тех, кому не нравится царь, с теми, кто желает разрушить строй, делает неизбежным скорое размежевание, приобретающее по-настоящему трагическую окраску. Многим еще кажется, что порвав с наиболее одиозными, но отнюдь не фундаментальными чертами старой системы, можно осуществить резкий прорыв к светлому будущему. Кажется, что достичь его так же легко, как и свергнуть ненавистных правителей, перед которыми еще недавно подобострастно снимали шапки: ведь налицо единство практически всего народа.

Период между февралем и июлем 1917 года – таковы условные хронологические границы этого этапа. Образовавшееся после падения монархии Временное правительство соединило в себе видных представителей промышленных кругов, земства, либеральных политиков. Его поддерживали и значительно более радикальные Советы, что означало объединение на какое-то время весьма разнородных сил. Однако характерной чертой того этапа явилось следующее. Провозгласив громкие лозунги, сложившийся блок не смог идти дальше – к проведению действительно радикальных и последовательных преобразований.

И вскоре стало очевидным, что эйфория по поводу близости желанных целей – благосостояния, свободы и демократии – на время скрыла от участников событий глубокие расхождения их представлений о степени радикальности и даже направлении дальнейших шагов. В истории этот переломный момент, свидетельствующий о неизбежности решительного размежевания, зачастую оказывается кровавым. Так было и в июле 1917 года в России. Начинается и быстро нарастает поляризация позиций еще недавних союзников в соответствии с позитивными программами, отражающими их объективные интересы. Намечаются контуры новых потрясений. Одновременно собираются с силами и прямые защитники прошлого, еще недавно деморализованные и рассеянные, а теперь не без успеха спекулирующие на трудностях и противоречиях революции. Происходит перегруппировка социальных сил: вчерашние союзники оказываются непримиримыми противниками, а отдельные отряды бывших противников находят почву для консолидации. Вряд ли надо более подробно, на конкретных примерах раскрывать и иллюстрировать этот этап, бывший в России весьма непродолжительным – июль-октябрь 1917 года. Центр, олицетворявшийся тогда А. Ф. Керенским, неуклонно терял поддержку, размывался и постепенно сходил с арены борьбы за власть как реальная политическая сила.

Усиливаются позиции партий и движений, представляющих крайние взгляды в политическом спектре. Примером тому является, разумеется, прежде всего, возрастающее влияние большевистской партии, численность которой с февраля по октябрь увеличилась с 25 тыс. до 350 тыс. Даже явное поражение большевиков в июле и падение их популярности

в связи с обвинением в шпионаже в пользу Германии не могли серьезно ослабить позиции этой партии; размежевание нарастало, и радикальный курс В. И. Ленина становился естественным центром притяжения сторонников углубления революционного процесса. Параллельно укреплялся и правый фланг, на котором складывался союз антисоциалистических сил (либералов и консерваторов), выступивших в поддержку установления сильной власти, диктатуры, способной устранить и левеющие Советы, и слабеющее Временное правительство. Готовился корниловский мятеж.

Тем самым наступал критический момент в развитии революции. Это был последний момент, когда еще можно было повернуть революцию вспять, восстановить старые порядки и господство тех сил, против которых поднималось народное движение. Именно здесь неизбежен резкий поворот «вправо» или «влево», переход к жесткому проведению последовательной и решительной политики – прогрессивной или консервативной. Победа консерваторов в этом случае означает окончательное поражение революции, победа радикалов делает ее необратимой. Но и тот и другой варианты несут в себе немалую долю экстремизма.

Если революционный процесс продолжает развиваться, наступает третий этап. Самый острый, самый жестокий, самый драматичный. Это – этап сильной власти, этап наиболее радикальных и, как правило, не соответствующих реальным потребностям общества и его народного хозяйства преобразований. К власти в России приходят большевики. Начинается гражданская война. Хозяйство опускается в пучину тотального кризиса, чем, собственно, и был военный коммунизм.

Характерной чертой развития революционного процесса, и особенно его второго и третьего этапов, является неуклонное ухудшение экономической ситуации. В принципе, это вполне естественно в обстановке постоянной политической нестабильности, тем более что с помощью хозяйственных неурядиц различные силы пытаются подорвать политические позиции своих противников. Сказываются и неизбежные структурные изменения в народном хозяйстве, обусловленные сдвигами в традиционно сложившейся структуре потребностей, с нарушением производственных связей и вообще с военной обстановкой и колебаниями правительственного курса. Свою, и немалую, роль играют экономические эксперименты властей, направленные, по их мнению, на обновление и стабилизацию хозяйственной жизни. Все это было весьма характерно для России революционных лет, независимо от того, какое правительство находилось у власти. Однако надо также иметь в виду, что по мере углубления политического противоборства проблемы экономики все более уходят на задний план. В рамках третьего этапа революции (в России это примерно 1918–1920 годы) все подчинено одной цели – удержанию власти – правит балом не экономика, а политика и идеология. Улучшения экономического положения ждать здесь, по крайней мере, наивно. Хозяйственные связи разрушены, и до поры до времени нет тех сил, которые были бы способны взять в свои руки их восстановление. Не физическая нехватка продукции является доминирующей причиной жесточайшего голода на товарном рынке (хотя падение производства также наблюдалось в весьма существенных масштабах), но всеобщая дезорганизация, имеющая социальные корни – на авансцене хозяйственной жизни отсутствует социальный тип (слой), способный взять на себя решение созидательных задач, то есть слой реальных собственников, способных стать надежной опорой стабилизационной экономической политики.

Приведем здесь несколько примеров, относящихся к концу 1918 – началу 1919 года:

«Губпродкомы не берут назначенный им по плану табак... Даже в центре России, в Москве, при полном отсутствии табака на рынке и царящей вследствие этого спекуляции, фабрики завалены не взятыми московским городским продовольственным комитетом готовыми изделиями, и на 9 октября оставалось на фабриках 140 миллионов курительных единиц. Технических препятствий для распределения табака и табачных изделий нет».

«Казенный распределительный аппарат составил план, по которому на одного новгородца приходится одна коробка спичек в год! В это же время на новгородском съезде СНХ представитель фабрики „Солнце“ заявил, что фабрика в недалеком будущем приостановится из-за переполнения складов ящиками со спичками. Груды спичек стоят под открытым небом и портятся от сырости и дождя».

«Чрезвычайная ревизия государственного контроля обнаружила сотни тысяч пудов залежавшихся на станциях грузов. На ст. Перово обнаружено 100 вагонов с неразгруженными, скоропортящимися продовольственными грузами. На ст. Москва Курской жел. дор. не разгружено 98 вагонов сахара. На ст. Москва II – 28 вагонов сахарного песка и 28 вагонов рафинаду; на мешках имеются следы влаги, сахар сыреет и портится» и т. д.⁴³

С углублением революционной ломки системы, по мере все более решительного разрыва с прошлым еще настойчивее вставала задача стабилизации, которая одновременно предполагала и социальную переориентацию режима, его опору на новые силы, способные взять на себя ответственность за хозяйственный прогресс. Стабилизация же оказывается реальной лишь тогда, когда революция становится политически необратимой. Тем самым знаменуется начало объективно неизбежного – четвертого этапа революции.

Строго говоря, формирование новой фигуры собственника, утверждение его позиций в складывающейся системе производственных отношений характеризуют суть не только завершающей стадии революционного процесса, но и всей революции. Ведь именно эта социальная предпосылка является решающей для формирования новой хозяйственной системы, создающей более благоприятные, чем ранее условия для динамичного развития производительных сил, а на этой базе – и всех других сторон общественной жизни. И революция может считаться с точки зрения исторической перспективы победившей, если в итоге укрепитесь и приобретет значительный вес (как экономический, так и политический) собственник, соответствующий объективным потребностям данного этапа развития производства, понимаемого в широком смысле этого слова.

Здесь протекают сложные процессы дальнейшей дифференциации социальных сил – движущих сил революции. Приходится окончательно порвать с некоторыми оставшимися еще с «розовых» времен иллюзиями относительно возможностей и целей революции. Это время новых противоречий и столкновений. Необходимость перехода к решению созидательных задач резко обостряет и выводит на первый план существующий разрыв между интересами развития производительных сил и текущими социально-политическими ожиданиями широких слоев трудящихся – активных участников недавних классовых битв. Оказывается, что поднимавшие их на штурм старого мира популистские лозунги на практике нереализуемы, не способствуют они и быстрому экономическому и социальному подъему, а в стратегическом отношении весьма опасны.

Данный этап обычно характеризуется еще и снижением социально-политической активности народа, в котором накапливается усталость от предыдущих бурных лет. Это влечет за собой появление опасностей, и прежде всего возможность прихода к власти далеко не самых достойных и масштабных фигур, нередко уступающих лидерам предыдущих этапов по своим интеллектуальным и человеческим качествам, но благодаря хитрости и беспринципности способных весьма эффективно бороться за власть. И хотя все это не является для многих тайной, социальный потенциал противодействия подобным фигурам оказывается исчерпанным. Вопрос о том, кто и как долго удержится на вершине власти на завершающем этапе революции, уже мало зависит от позиции основных слоев народа, но скорее определяется особенностями борьбы в «верхах», исход которой, впрочем, находится в прямой связи с подвижками в обществе и той композицией социальных сил, которая к тому времени уже

⁴³ Известия ВСНХ. 1919. № 8; Всегда вперед. 1919. 11 февраля; Экономическая жизнь. 1918. № 23.

сложится в качестве общей основы политического процесса. Другое дело, что сама композиция в немалой мере зависит от деятельности и курса политического руководства.

Но так или иначе борьба в «верхах» и колебания в «низах» направлены на формирование новой, относительно устойчивой хозяйственно-политической системы. Какой она будет конкретно? Для практического ответа на этот вопрос требуется время. Годы реализации новой экономической политики стали именно таким периодом. Остановимся более подробно на его общей характеристике и альтернативах.

С позиции революционных аналогий нэп нередко пытались и пытаются увязать с понятием «термидор». Это очень важный момент в понимании существа данного периода. Подобная ассоциация имеет вполне определенные исторические и логические обоснования. И именно поэтому вопрос нуждается в специальных пояснениях.

Да, аналогии с периодом, условно называемым термидором и восходящим к Великой французской революции, были весьма популярны в связи с событиями в России 1921 года. Причем одними из первых об этом заговорили сами же большевистские руководители, вообще склонные в своем политическом анализе обращаться к опыту революционных событий во Франции. На эту тему много размышлял В. И. Ленин, особенно весной 1921 года. «„Термидор“? Трезво, *может быть*, да? Будет? Увидим»⁴⁴, – такие вопросы ставил он, например, в мае, обобщая первые шаги на пути к рыночной экономике нэпа. В. И. Ленин также замечал, что, провозгласив нэп, рабочая власть «сама себя термидоризовала». Подобные утверждения подчеркивали гибкость большевистской политики, позволившей отечественным «якобинцам» удержаться у руководства страной.

⁴⁴ Ленин В. И. Материалы к X Всероссийской конференции. Планы доклада о продовольственном налоге // Ленин В. И. ПСС. Т. 43. 1970. С. 403.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.